

МОСКОВСКОЙ
ЖУРНАЛЪ.

Часть V.

Книжка первая.

ЯНВАРЬ 1792.



МОЗКВА,
ВЪ Университетской Типографіи,
у В. Окорокова.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

I. Тщепа	-	-
II. Ниса	-	-
III. Подражаніе Проперціи	-	1
IV. Странныя люди	-	1
V. Письма Руск. Путешеспивника	-	1
VI. Типъ	-	5
VII. Жизнь и дѣла Іосифа Бальзамо	-	5
VIII. Новый годъ	-	8
IX. Мармонтелевы вечера	-	8
X. Кораблекрушеніе въ Южномъ морѣ	-	12
XI. Московской Театръ	-	13
XII. О Рускихъ книгахъ	-	13
XIII. Изъясненіе Фронтисписца	-	1
XIV. О иностранныхъ книгахъ	-	1

1Рс 824 Редк.
МОСКОВСКОЙ
ЖУРНАЛЪ.

Sunt delicta, quibus ignovisse velimus:
Nam neque chorda sonum reddit, quem vult
 manus et mens.

Гораций.



Часть V.

МОСКВА,
ВЪ Университетской Типографіи;
у В. Окорокова.

1792 года.



ОДОБРЕНИЕ.

По приказанию Императорскаго Московскаго Университета Господь Кураторъ я читалъ сию книгу, подъ заглавиемъ: *Московской Журналъ*, Часть 4, и не нашелъ въ ней ничего противнаго настасленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему она и напечатана быть можетъ. — Коллежскій Собѣтникъ, Краснорѣцкія Профессоръ, Цензоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книги и Кавалеръ,

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

145852 №



ред 3403



МОСКОВСКОЙ ЖУРНАЛЪ.

Часть пятая. Книжка первая.

Мѣсяцъ Январь.

I.

ТЩЕТА.

Кз Г. П.

Всехъ деньми нашъ Творецъ,
Жизни смерпныхъ въ образецъ,
Молніей изъ тучь блиспаетъ.
Только молнія блеснетъ,
Вмигъ родится, исчезаетъ:
Тако наша жизнь минетъ.

* * *

Къ розъ я пришелъ двѣпушей;
Упѣшался ею взглядъ;
Нѣжный въ розъ духъ живущій
Распворяетъ ароматъ —
Спужа розу умершила:
Гдѣ румяные листы?
Тако вянупѣ красоты,
Кои спаросить заспудила.

* * *

A 2

Бур-

Бурный вѣтеръ на крылахъ
Вѣстъ и наводитъ страхъ;
Горы каменны трепещутъ;
Во кровавомъ полѣ блещутъ
Храбрыхъ воиновъ мечи.
Будто молния въ ночи —
Ни мечей, ни бурь не внемлю —
Вѣтеръ въ воздухъ, воинъ въ землю.

* * *

Время какъ спрѣла лѣтишъ;
Заниматься намъ преступъ
Щасплемъ, славой, красопами;
Все исчезнешъ куино съ нимъ:
Что жъ гоняешься за мечами?
Прелестъ прахъ, а щаспье дымъ. —

* * *

Такъ веселья нѣтъ иного,
Какъ тонуть въ однѣхъ слезахъ?
Нѣтъ, о смертный! сыщешь благо
Въ чистомъ сердцѣ, въ небесахъ.

Всѣ

Всѣ корыстнѣ въ мірѣ тленны :
Бисеръ, золото, сребро.
Дѣлай и люби добро —
Въ немъ всѣ благи заключенны.

Из. К (*).

II.

НИСА.

*Вольное подражаніе Италійской
пѣсни изъ Метастазія.*

Наконецъ твои обманы,
Нравъ притворный, Ниса, твой;
Излечили сердца раны,
Возвратили мнѣ покой.

* * *

Я свободенъ спалъ неложно ;
Усмирилась пылка кровь ,
И ужъ чувствую , что можно
Не носить твоихъ оковъ.

* * *

А З

Серд.

(*) Почтенній Сочинишаель сей піесы обѣщаѣ
ши к впредь присылашь къ Издащелю Мо-
сковскаго Журналя иѣкошория наѣ новыхъ
свѣркъ швореній. — К.

Сердцу томному къ отрадѣ,
Не перзаюсь грустью я,
И въ притворной ужь досадѣ
Не шаится спрасить моя.

* * *

Имя ли твое помянемъ,
Кто въ присутствіи моемъ,
Иль хвалишь тебя кто спасемъ,
Не превожусь я ни чѣмъ.

* * *

Я спокойно засыпаю,
Не видавши съ тобой,
И не первой воображаю
Пробуждаясь образъ твой.

* * *

Отъ тебя не жду смущенья;
Быть съ тобой я не ишу;
Зрю тебя безъ восхищенья,
И разставши не грущу.

* * *

Не волнуюся душою,
Вспомня красоту свою;
О слезахъ, пролитыхъ мною,
Помышляя слезъ не лью.

* * *

Ты сама о томъ посудишь,
Вправду ль спрась я побѣдилъ:
Даже съ тѣмъ, кого ты любишь,
О тебѣ я говорилъ!

* * *

Какъ со мной ни обходися:
Будь хоть ласкова ко мнѣ,
Хоть по прежнему гордися,
Я все спавлю наровиѣ.

* * *

Ужъ не могутъ разговоры,
Голосъ твой меня шронути,
И твои ужъ нынѣ взоры
Потеряли къ сердцу путь.

* * *

Ты красотъ не потеряла,
И теперь ты хороша;
Но не та ужъ Ниса спала,
Кѣмъ жила моя душа.

* * *

Цѣль свою я разрывая,
Только смогъ не умереть;
Но гдѣ твердость еспѣ прямая,
Тамъ чого не лъзя сперѣть!

* * *

Птичка бѣдная спрадаешь;
Вольности лишась своей,
И всѣ силы испощаешь,
Выбиваясь изъ сѣй.

* * *

Хошь и перья въ нихъ оставишь,
Улетитъ хошь чупъ жива,
Но ума себѣ прибавишь —
Впредь не будешъ шакова.

* * *

Видя, что воспоминаю
Прежній плѣнъ я, Ниса, свой,
Ты помыслиши, что пылаю
И поднесъ еще тобой.

* * *

Нѣтъ! пловецъ, бѣды избѣгшій,
Какъ у пристани споишъ,
Объ опасности прошекшій
Съ услажденьемъ говоришъ.

* * *

Воинъ также послѣ болѣ,
Тѣль побѣда лавръ дала,
Любимъ посреди покоя
Вспомнишъ свои дѣла.

* * *

И нѣольникъ, въ чувствѣ новы
Скорбь душевну премѣня,
Кажетъ съ радоспью оковы,
Что влачилъ дополь спеня.

* * *

Испину тебѣ вѣщаю —
Вѣрь ты мнѣ иль хошь не вѣрь —
Я и вѣдать не желаю,
Обо мнѣ чѣо мнишь теперь.

* * *

Прелестми гордясь, не льстися
Замѣнишь легко меня;
Не легко найдешь ты, Ниса,
Кто бѣ шакъ вѣренъ былъ, какъ я.

* * *

Я пощерю не шакую
Сдѣлалъ важную вѣ тебѣ:
Вѣдь обманщицу другую
Скоро льзя найти вездѣ!

Ю. Н. М.

III.

ПОДРАЖАНИЕ ПРОПЕРЦЮ.

Вопище мы, гордостью безумною надъ
менны,
Мечтаемъ таинства провидѣть сокро-
венные,
И въ ясныхъ небесахъ планету зресть
свою!
Съ Паролями ли мы, съ Бриганца-
миль въ бою —
На сушьль, на валахъ перуны въ нихъ
бросаемъ, —
Когда и какъ умремъ, увы! того не
знаемъ.
Предѣлы смертнаго извѣстны лишь бо-
гамъ.
Нѣпѣ, не возможно знать въ жару сра-
женья намъ —
Тогда, какъ смерть равно съ обѣихъ
странъ караетъ —
Кому безсмертныхъ судъ побѣды лавръ
вручаетъ.
Мы вѣдаемъ лишь то, что рокъ не-
избѣжимъ;
Что всюду съ нами смерть, хотя ее
не зришь,
И

И что погибельны вездѣ ея удары.
Землетрясеніе, болѣзни, ядъ, пожары
Лишаютъ жизни насы и въ нѣдрахъ ти-
шины,
Въ той самой хижинѣ, въ которой рож-
дены.
Но рокъ свой предузнать спарапе на-
прасно !
Единый только топъ, который лю-
битъ спрастно ,
Иметъ онъ даръ, чтобъ вѣдать свой
пределъ.
Не воспрепещетъ онъ быть цѣлью
вражихъ спрѣлъ ;
Безъ спраха подъ собой разверстое
зримъ море,
Когда Борей съ волнами въ спорѣ,
И съ трескомъ молнии сверкаютъ въ
небесахъ.
Вотще предъ нимъ Харонъ на черныхъ
парусахъ
Стигийскій мутный токъ поспѣшно
разсѣкаетъ
И новой добычи алкаетъ !
Предстань очамъ его любезная въ топъ
часъ ;
Взгля-

Взглни съ умильносью, прости свой
иѣжный гласъ —
Скажи ему: живи! . . . и во мгно-
венье ока
Щастливый смертный сей увидитъ па-
ки свѣтъ.
Любовь, любовь сильнѣй вседѣйствую-
ща рока;
Любовь отъемлетъ жизнь и оную даетъ.
И.

IV.

СТРАННЫЯ ЛЮДИ.

(Подражаніе Пихтвру.)

Клеантъ обѣздилъ цѣлой свѣтъ,
И видя, что нигдѣ для смертныхъ ща-
стья нѣтъ,
Домой къ друзьямъ своимъ съ комом-
кой возвратился.
Друзья его нашли, что онъ перемѣ-
нился
Во многомъ, но не въ дружбѣ къ нимъ.
По зимнимъ вечерамъ разсказывалъ онъ
имъ,
Что

Что чуднаго ему въ подсолнечной
вспрѣчалось,
И съ нимъ самимъ случалось.
Однажды онъ сказалъ: „Вы знаете,
друзья,
Что есть на свѣтѣ семъ Гиганты Па-
тагоны
И дикие Гураны
(А сколько верстъ до нихъ, исчислю
послѣ я) —
Подалъ на югъ живѣшъ народъ чуд-
нѣйшій,
Гораздо ихъ страннѣйшій.
О людяхъ сихъ нигдѣ я въ книгахъ не
чишалъ;
Нигдѣ подобныхъ имъ и въ свѣтѣ не
видалъ.
Опѣ упра до ночи сидяшъ они какъ
Не пьюшъ и не ъдятъ, сидни,
Не дремлюшъ и не спятъ,
Какъ будто нѣшъ въ нихъ жизни.
Хотя бѣ надъ ними громъ гремѣлъ,
И армїи вокругъ сражались;
Хотя бѣ небесный сводъ горѣлъ,
Трешащъ и паспѣ хомѣлъ: они бѣ не
испугались,
И

И съ мѣста бѣ не сошли, бывъ глухи
и безъ глазъ.

Хотя по временамъ они и повторяютъ
Какія-то слова, при коихъ всякой разъ
Глаза свои кривляютъ:

Однако же не льзя совсѣмъ разслушать
Я часпо подлѣ нихъ ихъ.
Стоялъ и удивлялся,
Смотрѣлъ и ужасался.

Повѣрише мнѣ, друзья, что образъ
сихъ людей

Оспанется на вѣкъ въ душѣ моей.

Отчаяніе, яростъ,
Тоска и злая радость

Являлись въ лицахъ ихъ. Они казались
Какъ Эвмениды злобны,

Плужоновымъ судьямъ (*) угрюмостью
подобны,

И блѣдны какъ злодѣй въ доказанной
винѣ.

,, Но что же умъ ихъ занимаетъ?
Спросили всѣ друзья: не благо ли лю-
дей ?,, —

Ахъ

(*) То есть, Миносу и прочимъ, кошорые у
Плужона судили мершыхъ.

Ахъ, нѣтъ ! о шомъ никто изъ нихъ не
помышляетъ. —

„Такъ вѣрно мыслю своей
Въ другихъ мірахъ они лепають ?, —
Никакъ ! —

„И такъ
О камнѣ мудрыхъ разсуждаютъ ?
Или хотятъ узнать , какъ тѣло въ
жизни сей
Сопряжено съ душой ?
Или грустятъ о шомъ , что много на-
грѣшили ?, —

Нѣтъ , все не то , и вы загадки не рѣ-
шили. —

„Такъ отъ чего жь они не пьютъ и
не єдятъ ,
Молчатъ и цѣлой день сидятъ ,
Не видятъ , не внимаютъ ?
Что жь дѣлаютъ они ?, — Играютъ !!!

V.

ПИСЬМА РУСКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.
(Продолженіе.)

Баденъ.

Нынѣ поутру выѣхалъ я изъ Ци-
риха. Лафашеръ не хотѣлъ прощать-
ся

ся со мною навсегда, говоря, что я непременно долженъ въ другой разъ прѣхать на берегъ Лимматы. Онъ далъ мнѣ одиннадцать рекомендательныхъ писемъ въ разные города Швейцаріи, и увѣрилъ меня въ непремѣнности своего дружелюбнаго ко мнѣ расположенія. Спариkъ Тоблеръ проспился со мною до радоснаго свиданія въ поляхъ вѣчности, котороя есть любимый предметъ упреннихъ и вечернихъ его размышлений. —

На каждой верстѣ отъ Цириха до Бадена встрѣчались мнѣ коляски и кареты, изъ которыхъ выглядывали Англійскія, Нѣмецкія и Французскія лица. Отъ Іюня до Октября мѣсяца Швейцарія бываетъ наполнена путешесственниками, которые прѣезжаютъ сюда наслаждаться Природою.

Наконецъ видѣлъ я въ Швейцаріи нечто такое, что мнѣ очень не полюбилось. Почти безпрѣшанно подѣгали къ коляскѣ моей ребяпишки и требовали подаянія. Не слушая отказа, бѣжали они за мною, кричали и

разнымъ образомъ дурачились: одинъ спановился вверхъ ногами, другой кривлялся, третій дудѣлъ въ дудку, четвертой прыгалъ на одной ногѣ, пятой надѣвалъ на себя бумажную шапку, въ аршинъ вышиною, и проч. и проч. Не нужда заставляетъ ихъ просить милоспѣни; имъ нравится только сей легкой способъ получать деньги. — Жаль, что отцы и матери не унимаютъ ихъ! Маленькие шалуны могутъ со временемъ сдѣлаться большими — могутъ распространить въ своемъ опечествѣ опасную моральную болѣзнь, отъ которой рано или поздно умираетъ свобода въ Ресpubликахъ. Тогда, любезные Швейцары, не поможешь вамъ бальзамической воздухъ горъ и долинъ вашихъ — уяннетъ красота нѣжной богини, и слезы ваши не оживятъ хладнаго трупа — явится чудовище насилия, и загремитъ цѣпями!

Въ Баденѣ остановился мой кучеръ кормить лошадей. Сей городокъ, спѣсненной со всѣхъ споронъ высокими горами, находился подъ начальствомъ

спвомъ Цирихскаго, Бернскаго и Гларусскаго Кантоновъ, и славенъ своими дѣлебными теплицами, которыя были извѣстны Римлянамъ подъ именемъ Гельветскихъ водъ (Aqua Helvetica). Опѣ города будеъ до нихъ не болѣе зо шаговъ, и я шотчасъ пошелъ пуда. Два колодезя — самые ближайшіе къ главному источнику, и по тому самые действительнѣйшіе — бывають всегда открыты для бѣдныхъ. Въ нихъ сидѣли при мнѣ человѣкъ двадцать, опустившись въ воду по горло; блѣдныя и желтые лица ихъ показывали, что они не для забавы пользуются водами. Въ практикахъ, которыхъ тутъ очень много, сделаны разныя бани, гдѣ моются больные и здоровые, платя за то бездѣлку. Вода сносно горяча, и весьма пахнетъ сѣрою. Она проведена съ другой стороны Лимматы (которая не чѣмъ здесь между горъ съ ужасною быстропой) и труба идеетъ подъ рѣкою. — Мнѣ сказывали, что иногда бываешь у водъ до осьми сотъ прѣжихъ.

Жек-

Женщины носятъ здѣсь на головахъ предолгѣ рога, отъ чего всѣ они кажутся похожими на Сапировъ.

— Въ Швейцарскихъ городахъ (по крайней мѣрѣ въ тѣхъ, въ которыхъ я былъ) почти на всякомъ домѣ види-ше вы надписи, иногда опмѣнно глу-пые и смѣшныя. На прим. надѣ домомъ одного Баденскаго горшечника написано : *Dies Haus der liebe Gott behüt ; hier ist Hafner Geschirr aufs feuer, und glüht* (сей домъ Господь да сохранитъ ! здѣсь глиняная посуда на огнь горитъ)

— а надѣ другимъ : *Behüt uns Herr für Feuer und Brand, denn dies Haus wird zum gedultigen Schaaf genannt* (сохрани насъ Господь отъ пожара и отъ порою : ибо сей домъ называется терпѣливой овцой). Но что скажеше вы о слѣ-дующихъ двухъ надписяхъ, замѣчен-ныхъ однимъ Нѣмецкимъ путешествен-никомъ въ Базель и въ Шафгаузенъ ? Первая : *Ihr Menchen thut Buß, denn dies Haus heißt zum Kindsfuss* (о головѣки ! по-каитеся душою, ибо сей домъ назы-вается бытагою ногою) — а вторая :

Auf Gott deine Hoffnung bau, denn dies
Haus heist zur schwarzen Sau (на Бога
уповай ты мыслю свою, ибо сей
домъ называется герною свинькою).
Друзья мои! въ вольной землѣ всякой
воленъ дурачиться, и писать, что
ему угодно. Всякой желаетъ остав-
лять по себѣ памятники — и сочи-
нили сихъ надписей, конечно ни-
чего болѣе въ жизнь свою не сочиняв-
ше, хотѣли въ риомахъ своихъ насла-
ждашься безсмертиемъ. Внукъ чтилъ
произведеніе лѣдушкина ума, и над-
пись изъ вѣка въ вѣкъ переходишъ. —
Поселене Швейцарскіе любятъ распи-
сывать свои дома разными красками
и фигурами; по большой части изо-
бражаютъ тутъ древніе герои Швей-
царіи, и славные ихъ подвиги; ино-
гда же гербы Кантоновъ съ сею над-
писью: Als Demuth weint, und Hochmuth
lacht, da wird der Schweizer-Bund ge-
macht (т. е. когда смиреніе пролива-
ло слезы и гордость смѣялась, то-
гда заключился союзъ Швейцаровъ). —
Кучеръ сказываетъ мнѣ, что лошади
впряжены.

Арау, ѿѣ засовѣ вѣтра.

Я проѣхалъ нынѣ мимо развалинъ Габсбурга. Вы знаете, любезные друзья мои, что въ семъ замкѣ жили нѣкогда Габсбургскіе Графы, отъ которыхъ произошелъ Австрійской Домъ — и по тому легко можете угадать, съ какими мыслами смотрѣлъ я на почтенные руины древнихъ башенъ, откуда храбрые Рудольфовы предки поражали враговъ своихъ. — Тутъ живетъ нынѣ спорожъ, которой въ случаѣ пожара подаетъ сигналъ окружнымъ деревнямъ, спрѣляя изъ ружья.

Мѣста и дороги въ Бернскомъ Кантонѣ лучше, нежели въ Цирихскомъ. Ничего не можетъ быть прекраснѣе здѣшнихъ луговъ, обсаженныхъ плодовитыми деревьями, и пересѣкаемыхъ многими ручейками, кошьиные то соединяются, то опять на разные рукава раздѣляются, и образуютъ водяной, запущенной лабиринтъ. Тамъ видны алеи, самою Природою насажденные; здѣсь густые лѣсочки, прохладу странникамъ обѣща-

ющіе. — ВЪ деревняхъ видите вы довольствіе, порядокъ и чистопу. Всѣ крестьянскіе дома покрыты соломою, и сїи кровли свѣшиваются во всѣ стороны такъ далеко, что подъ ними, какъ подъ навѣсомъ, стоятъ у мужиковъ телѣги, сохи, дрова, бочки и прочія принадлежащи къ хозяйству вещи. Всякой домъ раздѣляется обыкновенно на двѣ половины: одна состоитъ изъ двухъ горницъ и кухни, а другая изъ сѣнного магазина, жижицы и хлѣвовъ; подъ горницами бываетъ обыкновенно погребъ. Не увидите вы здѣсь ничего гнѣющаго, ничего непочиненнаго; во всемъ соблюдена удобность, и все необходимое въ изобиліи и совершенствѣ. Сie, можно сказать, двѣпущее сосѣдніе Швейцарскихъ поселанъ происходитъ наиболѣе отъ того, что они не платятъ почти никакихъ податей, и живутъ въ совершенной свободѣ и независимости, отдавая Правленію только десятую часть изъ собираемыхъ ими полевыхъ плодовъ. Жопл

между ими есть такие, которые имеют по пятидесяти тысяч рублей капиталу, однако же все они одеваются очень просто, и льпомъ ходятъ обыкновенно въ камзолахъ изъ шелкаго полотна, а по праздникамъ надѣваютъ суконные кафтаны, по большей части синие или дикie. Женщины носятъ желтые соломенные шляпы, почти совсѣмъ безъ шульи, наклоняя ихъ немнога на лѣвую сторону; а волосы свои заплетаютъ въ двѣ косы, оѣ которыхъ черныя ленты висятъ до самаго подола. Корсеты на нихъ, сколько я примѣтилъ, бывають по большей части изъ шерстяной красной матеріи; у нѣкоторыхъ же двуцвѣтные, то есть передняя сторона краснаго, а задняя темнаго цвета; богатыя заспегивають ихъ серебряными крючками. Шею свою покрываютъ бѣлою косынкою, перевязывая ее черною бархатною лентою; юшки же носятъ онѣ темнаго цвета, и поднимаютъ ихъ подъ самыя плеча, открывая икры, — что для меня очень безобразно.

Я нанялъ кучера только до Арау,
маленькаго, изрядно выстроенаго го-
родка въ Бернскомъ Кантонѣ. Въ ожи-
даніи Базельскаго дилижанса (въ ко-
торомъ хочуѣхатъ до Берна, и ко-
тораго ожидають сюда къ девяти ча-
самъ), велѣлъ я приготовить себѣ
ужинъ.

Бернъ, 28 Августа.

Нынѣ рано поупру прѣѣхалъ я
въ Бернъ, и съ трудомъ могъ найти
для себя комнату въ шракшире *авица*:
шакъ много здѣсь прѣѣзжихъ! Одѣв-
шись, пошелъ я къ молодому Докто-
ру Ренгеру, которой, по Лафатеро-
вой рекоммендаціи, принялъ меня очень
ласково; и какъ мнѣ прежде всего
хотѣлось побродить по городу, то
онъ вызвался быть моимъ пушеводи-
телемъ.

Бернъ есть хотя спаринной, од-
нако жъ очень красивой городъ. Ули-
цы прямые, широки и хорошо вымо-
щены; а въ серединѣ проведены глубокіе
каналы, въ которыхъ съ шу-
момъ

момъ паче ть вода, уносяща съ со-
бою всю нечистопочу изъ города, и
сверхъ того весьма полезная въ слу-
чай пожара. Домы почти всѣ одинакіе;
то есть, всѣ построены изъ бѣлаго
камня, въ три этажа, и предстаиваютъ
глазамъ пріятной образъ равенства въ
соспояніи жителей, не такъ какъ въ
иныхъ большихъ городахъ Европы, гдѣ
часто низкая хижина преклоняется къ
землѣ подъ пѣнію колоссальныхъ па-
латаў, и гдѣ на всякомъ шагу встрѣ-
чаешь оскорбительное смѣшеніе ро-
коши съ бѣдносѣю. Всего болѣе по-
любились мнѣ въ Бернѣ аркады подъ
домами, споль удобные для пѣшеход-
цовъ, которые въ сихъ покрытыхъ
переходахъ никакого ненаспѣя не бо-
ятся.

Мы были въ здѣшнемъ Сиром-
скомъ домѣ, гдѣ нашелъ я удивитель-
ную чистопочу и порядокъ. Въ са-
момъ дѣлѣ тупъ не много сиротъ,
а болѣе пенсионеровъ, которые за
небольшую сумму денегъ учат-
ся и хорошо содержатся въ семѣ

домъ. Оттуда пошли мы въ публичную Библиотеку. Проходя мимо маленькаго лужка, увидѣлъ я прикованнаго медвѣдя, которому мимоходящіе бросали хлѣбъ и прочее, что онъ есть могъ. Докторъ Ренгеръ сказалъ мнѣ при семъ случаѣ, что въ Бернѣ всегда держатъ живаго медвѣдя, которой есть гербъ сего Кантона; что имя *Бернѣ* произошло отъ Нѣмецкаго слова *Берѣ* (то есть *медвѣдь*); что Терцогъ Церингенской, начавъ спросить сей городъ, поѣхалъ на ловлю, и положилъ назвать его именемъ перваго заправленнаго звѣря; что онъ заправилъ медвѣдя, и по тому назвалъ городъ *Беромѣ*, имя, которое послѣ превратилось въ *Бернѣ*. — Въ Библиотекѣ видѣлъ я много хорошихъ книгъ и нѣсколько изрядныхъ картины; но всего болѣе занималъ меня *рельефъ*, представляющій часть Альпийскихъ горъ, и точно тѣхъ, на которыхъ я дни черезъ три бышъ на дѣюсь. Тутъ видны сїи горы въ подлинныхъ своихъ фигурахъ, долины, озера,

де-

деревни, хижины, и даже маленькие дорожки. Но рельеф Генерала Пиффера, Луцернского гражданина, долженъ быть еще гораздо превосходнѣе. Сей человѣкъ съ удивительной неупомимостію странствовалъ по горамъ, срисовывалъ ихъ — снималъ мѣры — и все сїе представилъ по томъ въ маломъ видѣ съ величайшою точностью. Два раза былъ онъ захваченъ горными жишелями какъ шпіонъ, и наконецъ для безопасности своей мѣрилъ горы по ночамъ при лунномъ сїянїи, скрываясь отъ людей и водя съ собою двухъ козъ, которыхъ молоко составляло всю его пищу.

Изъ Библіопеки прошелъ я на славную террасу, или гульбище подъ кatedральной церкви, гдѣ, подъ пѣнию древнихъ каштановыхъ деревъ, въ самой жаркой полдень можно наслаждаться прохладою, и откуда видна цѣль высочайшихъ снѣжныхъ горъ, которые, будучи освѣщаемы солнцемъ, представляются въ видѣ тонкихъ, красноватыхъ облаковъ. Сїя терраса,

скла-

складенная человѣческими руками, вышиною будеТЬ въ шесть или въ семь сопЪ фунтовъ. Внизу печетъ Ара, и съ великимъ шумомъ низвергаетъ съ высокой плоскости. Въ спѣнѣ, которою обведено сіе гульбище, нашелъ я на камнѣ слѣдующую надпись: *Въ честь всемогущества и чудеснаго Божія просидѣнія, и въ память потомству, положенъ сей камень, на томъ мѣстѣ, откуда Г. Теобольдъ Веинценфли, Студентъ, 25 Мая 1654 года упалъ съ лошади, и по тому, бывъ 30 лѣтъ Священникомъ церкви въ Керцерѣ, въ глубокой старости блаженно скончался 25 Ноября 1694 года.* Хотя и кому чудно покажется, что человѣкъ, упавъ съ такої вышины, могъ живъ оспаться; однако жъ сіе происшествіе, по увѣренію Бернскихъ жителей, не подвержено никакому сомнѣнію. Сказываютъ, что на Студента былъ тогда широкой плащъ, которой, захвативъ подъ себя много воздуху, удерживалъ его въ паденіи, и не далъ ему сильно удариться объ землю.

По-

Послѣ обѣда былъ я у Проповѣдника Штапфера, самаго добродушнаго Швейцара, и ввечеру ходилъ съ нимъ прогуливавшися за городъ. Сидя въ бесѣдкѣ на возвышенномъ мѣстѣ, смотрѣли мы на горы, которыхъ вершины пылали разноцвѣтыми огнями. Тутъ понялъ я Галлеровъ спихъ: *Und ein Gott ist 's, der der Berge Spitzen röthet mit Blitzen!* (Богъ краситъ молниями сѣницы горѣ.) Между тѣмъ Штапферъ началъ говорить со мною, и мнѣ должно было на нѣсколько минутъ отвратить глаза свои отъ сего прекраснаго зрелища. Когда же я опять взглянулъ на горы, увидалъ — вмѣсто розовыхъ и пурпуровыхъ огней — ужасную блѣдность. Солнце закатилось. Я былъ пораженъ сею скорою перемѣною, и готовъ былъ восклікнуть: *Такъ проходитъ слава мѣра сего! такъ увѣдаетъ роза юности! такъ угасаетъ сѣтильникъ жизни!* Мнѣ стало грустно — и мы тихими шагами возвращались въ городъ.

Нынѣ поушру былъ я у Проповѣдника Виштенбаха, ученаго Напуралиста, которой перевелъ на Нѣмецкой языкѣ *Соссюрово путешествіе по Швейцаріи*, выдалъ краткое наставление для путешествующихъ по Альпийскимъ горамъ, и сочиняешь теперь описание естественныхъ произведеній Швейцаріи. Хотя онъ не одного вкуса со мною, и никогда, по словамъ его, не читаетъ такихъ книгъ, которыя наполнены мечтами воображенія; и хотя въ любимыхъ его наукахъ я совершенной профанъ: однако жъ мы нашли такую матерію для разговора, которая и для него и для меня была занимательна — а именно, мы говорили о Галлерѣ, которой былъ ему очень знакомъ. Между прочимъ сказывалъ онъ, что покойникъ, за два дни до смерти, не смотря на свою болѣзнь и слабость, съ великимъ любопытствомъ читалъ описание нѣкоторыхъ новыхъ физическихъ опытовъ, и опчастѣ поврѣялъ ихъ. Такимъ образомъ самые послѣдніе часы жизни своей посвящалъ Галлеръ

леръ успѣхамъ наукъ, которыя любилъ онъ спрашно! — Виттенбахъ, путешеспвя всякой годъ по самымъ отдаленнѣйшимъ горамъ, никогда еще не бывалъ въ Цирихѣ! „Я успѣю быть въ городахъ и тогда (говоритъ онъ), когда отъ спасости не въ состояніи буду ходить по Альпамъ.„

На террасѣ встрѣтился я нынѣ съ Графомъ д'Артуа, которой тамъ прогуливался со многими знаными французскими бѣглецами. Онъ не дуренъ собою, и хочетъ показыватьсь веселымъ; но въ самыхъ его улыбкахъ видно спѣсненное сердце. Такія-то перемѣны бывающы въ жизни человѣческой! — Проживъ здѣсь недѣли двѣ въ загородномъ домѣ, Ѳдетъ онъ теперь въ Италію, куда отправляется за нимъ и другіе эмигранты. *Частливой путь!* говорятъ Бернцы, которые никакъ не рады были симъ незваннымъ гостямъ.

Въ трактирѣ *вѣница*, гдѣ я живу, не садится за сполѣ менѣе приидущи человѣкъ, французовъ и англичанъ,

между которыми бывають жаркіе споры о теперешнихъ обстоятельствахъ Франціи. — Сегодня за ужиномъ бѣдной Италіянской музыкантъ игралъ на арфѣ и пѣлъ. Англичане набросали ему цѣлую тарелку серебряныхъ денегъ, и хопѣли, чтобы онъ рассказалъ намъ свою исторію. Слушайте, сказалъ онъ, и запѣлъ:

*Я вѣ бѣдности на свѣтѣ родился
Я вѣ бѣдности воспитанѣй былъ ;
Отца вѣ младенчествѣ лишился,
Я вѣ сѣтѣ сиротою слылъ.*

*Но богъ, искусный вѣ пѣснопѣнъ,
Меня сиротку полюбилъ ;
Явилъ мнѣ со сновидѣнъ,
Я арфу сѣ ласкою вругилъ ;
Открылъ мнѣ, какъ златыя хорды (*),
Сѣ размѣромъ движимы рукой ,
Согласно издають аккорды ,
Я радость вѣ сердце лютѣ рѣкой.*

II.

(*) Я не знаю, для чего Италіянецъ назвалъ струны симъ Греческимъ именемъ.

По томъ въ небесномъ восхищеньи
Я насталъ какъ Орфей играть,
И въ нѣжномъ, сладкомъ упоеньи
Всю бѣдность, горесть забывать.

„Вотъ вамъ моя исторія, госу-
дари мои! сказалъ онъ по-Французски
(*); я странствую по свѣту, и везде на-
хожу людей, умѣющихъ цѣнить шалан-
ты.,, — *Браво! браво!* закричали
Англичане, и бросили ему еще нѣ-
сколько шалеровъ. —

Завтра думаю отправиться къ
Альпийскимъ горамъ. Чемоданъ свой
оставлю здѣсь, а съ собою возьму толь-
ко теплой сертукъ, половину бѣлья
своего, записную книжку и карандашъ.

Тунъ, въ десять часовъ вчера.

— Въ два часа по полудни выѣхалъ я
изъ Берна, и въ шесть часовъ прїѣхалъ
въ городокъ Тунъ, лежащий на берегу
большаго озера. Дорогою видѣлъ я ве-
здѣ веселыхъ поселянъ, собирающихъ

В

пло-

(*) Пѣсню пѣлъ онъ на Италіянскомъ языке.

плоды съ богатыхъ полей своихъ. Между ими замѣтилъ я много такихъ, у которыхъ висѣли подъ бородою превеликіе зобы.

Здѣсь остановился я въ трактирѣ *Фрейгофѣ*; заказавъ ужинъ, побродилъ по городу, и всходилъ на здѣшнюю высокую колокольню, откуда видны многія цѣпи горъ и все обширное Тунское озеро.

Завтру разбудятъ меня въ четырехъ часа. Въ сіе время отходитъ отсюда почтовая лодка, на которой перѣду я черезъ озеро.

Тунское озеро, 5 часовъ утра. — Темнота ночи мало по малу исчезаетъ. Горы открываютъ минута опять минуты яснѣе. Все дымится! Тонкія облака тумана носятся вокругъ нашей лодки. Влага проникаетъ сквозь мое плащье, и сонъ смыкаетъ глаза мои. Добродушной Швейцаръ подаетъ мнѣ черной мѣшокъ, которой долженъ служить мнѣ вместо пуховой подушки. Величественная Напура! прости

слад-

слабому! На нѣсколько часовъ отвра-
щаетъ онъ взоръ свой отъ твоего
великолѣпія.

Вѣсіль тасовѣ. По обѣимъ споро-
намъ озера безпрерывно продолжаю-
тся горы. Въ иныхъ мѣстахъ покры-
ты они виноградными садами, въ дру-
гихъ елями. Чистые ручьи ниспада-
ющіе съ камней. Внизу дымятся хи-
жины, жилища бѣдности, невѣжества
и — можетъ быть — спокойствія. Вѣч-
ная Премудрость! какое разнообразіе
въ твоемъ физическомъ и моральномъ
мірѣ! —

На сѣверной споронѣ озера, въ
пещерѣ высокой горы, гдѣ журчитъ
маленькой ручеекъ, провождалъ дни
свои Св. Бенедиктъ, первый изъ Хри-
стіянъ въ Швейцаріи. Гора сїя до-
нынѣ называется его именемъ.

На южномъ берегу возвышается ста-
рой замокъ Шпицъ, которой принадле-
жалъ нѣкогда Бубенбергской фамиліи,
древнѣйший и знамѣйшей въ Бернской Рес-
публике. Многіе изъ Бубенберговъ оказа-
ли отечеству важныя услуги, и пролили

кровь свою для пользы его. Послѣдними отраслями сего Дому были Леонардъ и Амелія, прекрасной юноша и прекрасная сестра его. Всѣ благороднѣйшія фамиліи въ Бернѣ искали ихъ союза, и наконецъ, по нѣжной склонности сердца, Леонардъ женился на дѣвицѣ Эрлахѣ, а сестра его вышла за браша ея. Бракосочетаніе ихъ совершилось въ одно время. Всѣ праздновали день сей, въ которой два первые дома соединялись тѣснымъ союзомъ родства; всѣ радовались молодыми супружами, равно юными и равно прекрасными. Увеселенія свадебнаго торжества были безчисленны. Послѣ великолѣпнаго обѣда поѣхали новобрачные и всѣ гости прогуливавшися въ лодкѣ по Тунскому озеру. Небо было ясно и чисто; легкой вѣтерокъ вѣяніемъ своимъ прохаждалъ радостныхъ гребцовъ, и лобызалъ юныхъ красавицъ, играя ихъ бѣлыми волосами, чистѣйшему льну подобными; мѣлкія волны пѣнились подъ лодкою, и журчаніемъ своимъ вливали помность въ сердца супруговъ, кошь

рые съ нѣжнымъ трепетомъ другъ къ другу прижимались, и пшечно хотѣли скрыть во впуренности своей пламѧ любви, пылавшее на румяныхъ щекахъ ихъ. Уже приближался вечеръ, и плаватели безпреспанно отъ береговъ удалялись. Солнце сѣло — и вдругъ, какъ будто бы изъ глубины ада, заревѣла буря; озеро спрашно взволновалось, и кормчій содрогнулся. Онъ хотѣлъ плыть къ берегу; но берегъ во мракѣ скрывался отъ глазъ его. Весла валились изъ рукъ обезсильвшихъ гребцовъ, и валъ за валомъ грозилъ поглотить лодку. Вообразите себѣ состояніе супруговъ! Сперва спаравались они ободрять гребцовъ и кормчаго, и сами помогали имъ; но видя, что всѣ усилия ихъ оспаются пшечными, и что погибель неизбѣжна, поручили они судьбу свою Богу, обтерли послѣднюю слезу о жизни, обнялись и дожидались смерти. Скоро громада волнъ обрушилась на лодку — и всѣ потонули, всѣ, кроме одного гребца, которої щастливо доплылъ до берега,

та, и принесъ вѣсть о погибели нещастныхъ. Такимъ образомъ пресекся древній родъ Бубенберговъ, и замокъ ихъ доспался въ наслѣдство Дому Эрлаховъ, которой по сїе время починается знаменитый въ Бернскомъ Кантонѣ. — Съ печальными мыслями рассматривалъ я сей замокъ; вѣтеръ вѣялъ отъ опустѣвшихъ стѣнъ его.

Унтерзенѣ, вѣтъ 10 тасовѣ. Приставъ къ берегу версты за двѣ отсюда, щелѣя до Унтерзена прѣящею долиною, между луговъ и огородовъ. Снѣжныя горы кажутся здѣсь гораздо выше и ближе одна къ другой; я не видалъ уже полей съ хлѣбомъ, ни садовъ виноградныхъ; крестьянскія избы построены здѣсь опимѣннымъ образомъ, и самые люди имѣютъ въ лицахъ своихъ что-то особливое. — Я нанялъ теперь проводника, которому извѣстенъ путь по Альпийскимъ горамъ — и черезъ полчаса пойду въ деревню Лаупербрунненъ, до которой счищается отсюда около десяти верствъ.

Лаутербрунненъ. Дорога отъ Унтерзеена до Лаутербруннена идетъ долиною между горъ подлѣ рѣчки Липшины, которая течетъ съ ужасною быстротою, съ пѣною и съ шумомъ, падая съ камня на камень. Я прошелъ мимо развалинъ замка Уншуннена, за которыми долина сплюснувшись часъ отчасу уже, и наконецъ раздѣляется на двое: на лѣво идетъ дорога въ Гриндельвальдъ, а на право въ Лаутербрунненъ. Скоро открылась мнѣ сія послѣдняя деревенька, состоящая изъ разсѣянныхъ по долинѣ и по горѣ маленькихъ домиковъ.

Версты за двѣ не доходя до Лаутербруннена, увидѣлъ я такъ называемой *штауббахъ*, или ручей, свергающійся съ вершины каменной горы, въ 900 футовъ вышиною. Въ семъ отдаленіи казеется онъ неподвижнымъ столбомъ млечной пѣни. Скорыми шагами приближился я къ сему феномену, и размашивъ его со всѣхъ сторонъ. Вода прямо лепитъ внизъ, почти не допрогиваясь до утеса горы,

и разбивалась, такъ сказать, въ воздушномъ пространствѣ, падаешь на землю въ видѣ пыли, или тончайшаго серебрянаго дождя. Шаговъ на сто вокругъ разносятся влажные брызги, которые въ нѣсколько минутъ промочили насквозь мое плащье. — По томъ пошелъ я къ другому водопаду, называемому *триммербахъ*, до котораго будемъ отсюда около двухъ верстъ. Вода, прокопавъ огромную скалу, изъ внутренности ея съ шумомъ падаетъ и спремится въ долину, гдѣ мало помалу утишая свою яростъ, образуетъ чистую рѣчку. Видѣ разсѣвшейся горы и шумное паденіе *триммербаха* сославляютъ *дикую* красоту, плѣняющулю любителей Напуры. Около часа пробылъ я на семъ мѣстѣ, сидя на возвышенномъ камнѣ — и наконецъ, въ великой усталости, возвратился въ Лаупербрунненъ, гдѣ теперь отдыхаю въ трактирѣ.

Вѣсемъ тасовѣ вегера. Свѣтлой мѣсяцѣ взошелъ надъ долиною. Я сижу на мягкой муравѣ, и смотрю, какъ

какъ свѣтъ его разливается по горамъ, осребряетъ граничныя скалы, возвышаетъ густую зелень соснъ, и блескаетъ на вершинѣ Юнгферы, одной изъ высочайшихъ Альпійскихъ горъ, вѣчнымъ льдомъ покрытой. Два снѣжные холма, девическимъ грудямъ подобные, сославляютъ ея корону. Ничто смершное къ нимъ не прикасалось; самыя бури не могутъ до нихъ возноситься; одни солнечные и лунные лучи лобызаютъ ихъ нѣжную округлость; вѣчное безмолвіе царствуетъ вокругъ ихъ — здесь конецъ земнаго творенія! — — Я смотрю, и не вижу выхода изъ сей узкой долины.

Пастушки хижинъ на Альпійскихъ горахъ, въ 9 часовъ утра. — Въ четыре часа разбудилъ меня проводникъ мой. Я вооружился Геркулесовскою палицею — пошелъ — съ благоговѣніемъ спустилъ первый шагъ на Альпійскую гору, и съ бодростью началъ взбираться на крутизны. Утро было холодно;

но скоро почувствовалъ я жаръ и скинулъ съ себя теплой серпукъ. Чрезъ четверть часа усталость подкосила ноги мои — и по томъ каждую минуту надлежало мнѣ отдохнуть. Кровь моя волновалась такъ сильно, что мнѣ можно было слышать біеніе своего пульса. Я прошелъ мимо громады большихъ камней, которые за десять лѣтъ передъ симъ свалились съ вершины горы, и могли бы превратить въ пыль цѣлой городъ. Почти безпрестанно слышалъ я глухой шумъ, происходящій отъ катящагося съ горъ снѣга. Горе тому нещастному спраннику, которой вспрѣпится симъ падающимъ снѣжнымъ кучамъ! смерть его неизбѣжна. — Болѣе четырехъ часовъ шелъ я все въ гору, по узкой каменной дорожкѣ, которая иногда совсѣмъ пропадала; но наконецъ дѣстигъ до цѣли своихъ племенныхъ желаній, и спустилъ на вершину горы, гдѣ вдругъ произошла во мнѣ удивительная перемѣна. Чувство усталости исчезло; силы мои

воз-

возобновились ; дыханіе мое стало легко и свободно ; необыкновенное спокойствие и радость разлились въ моемъ сердцѣ. Я преклонилъ колѣна, успремилъ взоръ свой на небо, и принесъ жертву сердечнаго моленія — Тому, Кто въ сихъ границахъ и снѣгахъ напечатлѣлъ столь явственно Свое всемогущество, Свое величіе, Свою вѣчность! ... Друзья мои ! я споялъ на высочайшей ступени , на которую смертные восходишь могутъ для поклоненія Всевышнему! ... Языкъ мой не могъ произнести ни одного слова ; но я никогда такъ усердно не молился , какъ въ сюю минушу.

Такимъ образомъ на самомъ себѣ испыталъ я справедливость того, что Сп. Прѣ говоришъ о дѣйствіи горнаго воздуха. Всѣ земныя попеченія, всѣ заботы , всѣ тѣ мысли и чувства , которыя унижаютъ благородное существо человѣка, остаются въ долинѣ — и съ сожалѣніемъ смотрѣлъ я внизъ на жителей Лаутербруннена , не завидуя имъ въ томъ , что они въ самую сю

минуту увеселялись зреющимъ серебрянаго штауббаха, освѣщаемаго солнечными лучами. Здѣсь смершной чувствуетъ свое высокое опредѣленіе, забываетъ земное свое отечество и дѣлается гражданиномъ вселенной; здѣсь, смотря на хребты каменныхъ твердынь, ледяными цѣпями скованыхъ и осыпанныхъ снѣгомъ, на которомъ сполѣшия оспавляють едва примѣтные слѣды (*), забываетъ онъ время, и мыслию своею въ вѣчность углубляется; здѣсь въ благоговѣйномъ ужасѣ трепещетъ сердце его, когда онъ помышляетъ о той всемогущей Рукѣ, Которая вознесла къ небесамъ сїи громады, и повергнѣтихъ нѣкогда въ бездину морскую. —

Съ

(*) Всякое лѣто шаетъ на горахъ снѣгъ, и всякую зиму прибавляющія на нихъ новые снѣжные слои. Ешьли бы можно было перечесть сїи послѣдніе, то мы узнали бы тогда древность міра, или по крайней мѣрѣ древность сихъ горъ.

Съ бодростію и съ удовольствіемъ продолжалъ я путь свой по горѣ, называемой Венгенальпомъ, мимо вершинъ Юнгфера и Эйгера, кото-рыя возвышаются на хребтѣ ея какъ на фундаментѣ. Тутъ нашелъ я нѣ- сколько хижинъ, въ которыхъ пасту-хи живутъ только лѣтомъ. Сѣи проспo- душные люди зазвали меня къ себѣ въ госпи, и принесли мнѣ сливокъ, пва- рогу и сыру. Хлѣба у нихъ нѣтъ; но проводникъ мой принесъ его съ собою. Такимъ образомъ я обѣдалъ у нихъ, сидя на бревнѣ — потому что въ ихъ хижинахъ нѣтъ ни спо-ловъ, ни спульевъ. Двѣ молодыя ве- селыя пастушки, смотря на меня, безпрестанно смеялись. Я говорилъ имъ, что простая и беспечная жизнь ихъ мнѣ весьма нравится, и что я хочу оспасться у нихъ, и вмѣстѣ съ ними доить коровъ. Они оп-вѣчали мнѣ однимъ смѣхомъ. — Те-перь лежу я на хижинѣ, на которую споило мнѣ только шагнуть, и пишу карандашомъ въ своей записной книжкѣ.

Какъ

Какъ въ сю минуту низки передо мною
всѣ Великіе Моголы земнаго шара! —
Черезъ полчаса пойду далѣ.

Гриндельвальдъ, 7 часовъ вѣчера.

— Шедши опѣхижинъ около часа по
оплогоому скату — мимо спадъ, пасу-
щихся на цвѣшной благовонной зеле-
ни — начали мы спускась съ го-
ры. Гриндельвальдъ былъ уже виденъ.
Долина, гдѣ лежитъ сїя деревенька,
состоящая изъ двухъ или трехъ сопъ
разсѣянныхъ домиковъ, представляется
въ весьма пріятномъ видѣ. Въ то же са-
мое время увидѣлъ я и верхній *глетшерѣ*
или *ледникѣ*; а нижній оскрылся гораздо
уже послѣ, будучи заслоняемъ горою,
съ которой мы спускались. Сїи лед-
ники суть магнитъ, привлекающій
путешественниковъ въ Гриндельвальдъ.
Я пошелъ къ нижнему, которой былъ
ко мнѣ ближе. Вообразите себѣ ме-
жду двухъ горъ огромныя кучи льду,
или множество высокихъ ледяныхъ пи-
рамидъ, въ которыхъ ходя и не ви-
далъ

далъ я ничего подобнаго хрустальному волшебнымъ замкамъ, примѣченнымъ тутъ однимъ французскимъ писателемъ, но которыя въ самомъ дѣлѣ представляютъ для глазъ нѣчто величественное. Не знаю, кто первой уподобилъ сїи ледники бурному морю, котораго валы отъ внезапнаго мороза въ одинъ мигъ въ ледъ превратились; но могу сказать, что сїе сравненіе прекрасно и справедливо, и что сей путешественникъ или писатель имѣлъ птическое воображеніе. — Посмотрѣвъ на ледникъ съ того мѣста, гдѣ съ спрашнымъ ревомъ вытекаетъ изъ-подъ свода его мутная рѣка Литшина, ворочая въ волнахъ своихъ превеликіе камни, рѣшился я взойти выше. Къ нещастію, проводникъ мой не зналъ удобнѣйшаго ко всходу мѣста; но какъ мнѣ не хотѣлось оставить своего намѣренія, то я прямо пошелъ вверхъ подъ льду, по кучамъ маленькихъ камешковъ, которые разсыпались подъ моими ногами, такъ что я безпрепанно спотыкался.

тыкался и почти ползъ, хватаясь за большіе камни. Проводникъ мой кричалъ, что онъ предаетъ меня судьбѣ моей; но я, смотря на него съ презрѣніемъ и не ощущая ему ни слова, взбирался выше и выше, и храбро преодолѣвалъ всѣ трудности. Наконецъ открылась мнѣ почти вся ледяная долина, усеянная въ разныхъ мѣстахъ весьма высокими пирамидами; но далѣе къ Валлискимъ горамъ пирамиды сїи уменьшаются и почти совсѣмъ исчезаютъ. Тутъ отдохнулъ я около часа, и лежалъ на камнѣ, висящемъ надъ пропастью; а по томъ спустился опять внизъ, и пришелъ въ Гриндельвальдъ, есъли не совсѣмъ безъ ногъ, то по крайней мѣрѣ безъ башмаковъ. Хорошо, что я взялъ изъ Берна запасную пару!

— У прекрасной дѣвушки купилъ я корзинку черной вишни — хотя мѣлкой, однако жь отмѣнно сладкой и вкусной — которая прохладила внутренний жаръ мой. Теперь, сидя въ трактирѣ за большимъ споломъ, жду ужина.

Го-

Гора Шейдекъ, то часовъ утра.

— Въ пять часовъ поутру пошелъ я изъ Гриндельвальда, мимо верхняго ледника, кошорой показался мнѣ еще лучше нижняго; потому что двѣпъ пирамидъ его гораздо чище и голубѣе. Болѣе четырехъ часовъ взбирался я на гору Шейдекъ, и съ такою же трудносстю, какъ вчера на Венгенальпъ. Горныя ласточки порхали надо мною, и пѣли печальные свои пѣсни; а вдали слышно было блеаніе спадъ. Цвѣты и травы курились ароматами во кругъ меня и освѣжали увядающія силы мои. Я прошелъ мимо пирамидальной вершины Шрекгорна, высочайшей Альпійской горы, которая, по измѣренію Г. Пфиффера, вышиною буде пъ 2400 саженъ; а теперь возвышающія передо мною грозной Вештергорнъ, которой часто привлекаетъ къ себѣ громоносныя облака, и препоясывающія ихъ молніями. За два часа передъ симъ скапились съ вѣнца его двѣ лавины, или кучи снѣгу, размягченного солнцемъ. Сперва услышалъ я великой трескъ,

трескъ, которой заставилъ меня вздрогнуть — и по томъ увидѣлъ двѣ снѣжныя массы, валящіяся съ одного уступа горы на другой, и наконецъ упавшія на землю съ глухимъ шумомъ, подобнымъ отдаленному грому, — при чёмъ на нѣсколько саженъ вверхъ поднялась снѣжная пыль.

На горѣ Шейдекѣ нашелъ я пастуховъ, которые также подчивали меня творогомъ, сыромъ и густыми, палевыми, ароматическими сливками. Послѣ сего легкаго и здороваго обѣда, сижу теперь на бугрѣ горы, и смотрю на скопище вѣчныхъ снѣговъ. Здѣсь вижу я источникъ рѣкъ, орашающихъ наши долины; здѣсь запасная храмина Напуры, изъ которой она во время засухи черпаетъ воду для освѣженія жаждущей земли. И еспѣли бы сїи снѣга могли вдругъ расплопиться, то впорой полтопъ поглотилъ бы все живущее въ нашемъ мірѣ.

Не лѣзя взирать безъ нѣкотораго ужаса на сїи концы земнаго творенія, гдѣ нѣпѣ никакихъ слѣдовъ жизни — нѣтъ

чѣтъ яи деревъ, ни травъ — тѣа
меланхолическая пустота искони цар-
ствуетъ. Но иногда въ сихъ дикихъ и
мерзкихъ странахъ видатъ величай-
шую изъ птицъ, Альпійского орла,
которому бѣдныя дикия козы служатъ
пищею. Тщетно сїи послѣднія спары-
ются спасшись отъ него лѣгкостью
ногъ своихъ, прыгая съ одной высоты
на другую! Любой врагъ гонится по-
всюду за своею добычею, и наконецъ
пригоняетъ ее на край бездны, где
неудачная не находитъ для себя ни-
какого укрытия. Тутъ сильнымъ ударомъ
крыла сшибаетъ онъ ее въ пропасть,
гдѣ, не смотря на все свое искусство
въ балансированіи, она неизбѣжно по-
гибаєтъ. Орелъ извлекаетъ се оттуда
въ осѣрыхъ когтяхъ своихъ.

Но не одна птица сїя умерщвляетъ
безоружныхъ козъ: Альпійские охот-
ники еще для нихъ страшне. Сїи лю-
ди, презирая всѣ опасности, съ удиви-
тельнымъ проворствомъ взираютъ
на крутизны; однако жь многіе по-
гибаютъ, падая въ пропасти, или

уполая въ моръ снѣговъ. Страшныя анекдоты объ нихъ разсказываютъ. На прим. одинъ Гриндельвальдской охотникъ, гонясь на Шрекгорнъ за козою, перебирался съ камня на камень, и вдругъ на ужасной высотѣ поскользнулся. Уже бездна разверзла подъ нимъ зѣвъ свой — уже острые граничи готовы были расщерзать нещастнаго — но онъ зацѣпился ногою за камень, и повисъ надъ пропастію. Представьте себѣ весь ужасъ его положенія! Никто изъ товарищей не могъ помочь ему; никто не отваживался лѣзть на вершину утеса. Долго висѣлъ онъ между небомъ и землею, между жизни и смерти; наконецъ удалось ему схватиться руками за камень, спать на ноги и спуститься внизъ.

(Продолженіе впредъ.)

VI.
ТИТЪ.

Какою помыслъ днемъ плѣняется
мечтой,
Ту предшавляетъ намъ и сладостный
покой.
Охотникъ упомяясь одру себя вручаетъ,
Но мысль во острова къ побѣдамъ
оплещаетъ;
Судья лишь пляжбы снимъ, возница
пукъ вожжей;
И какъ ему ночныхъ управишь ло-
шадей.
А я, любитель Музъ, во время скром-
ной ночи,
Привыкъ слѣдуя, оспрю душевны очи.

Клавд.

Титъ былъ зажиточный мѣщанинъ
на моей родинѣ. Многіе удивлялись
его богатству, другие завидовали
ему; а иные, какъ будто бы по до-
вѣренности, отзывались во всенарод-
ное извѣстїе, что Титъ все при-
обрѣлъ какими-то тайными поисками,

обманомъ и вообще нечестивыми способами. Но Тишъ вдругъ обѣднялъ, и всѣ слухи обѣ немъ замолкли. — Въ семъ состояніи онъ вспрѣшился со мною. Платье его было нечисто, и вообще показывало сильной и дурной оборотъ форшуны. Но всего болѣе встревожило меня то, что на лицѣ его изображалось мрачное уныніе. Онъ былъ тощъ, и огонь глазъ его погасъ. „Видно, сказалъ я, что нещастіе сильно поразило тебя, любезной Тишъ?,, — Такъ, отвѣталъ онъ, я нещастливъ — и усмѣхнулся — — — подобно лучу, прорывающемуся сквозь густое и темное облако. — Я примѣшилъ, что мое любопытство огорчило его. — Онъ вѣрно думалъ, что ему вспрѣтилась спарада находка; что я хочу, подобно некоторымъ другимъ, вывѣдать отъ него, какимъ образомъ онъ впалъ въ нещастіе, и по томъ сказать: „Бѣдной Тишъ! мнѣ жаль тебя; но молись Богу; авось-либо все еще исправится.,, — Куда жь ты идешь, Тишъ? спросилъ я вмѣсто штого. —

Иду

Иду къ рѣкѣ, отвѣчалъ онъ съ хо-
лоднымъ равнодушіемъ, при копоромъ
не льзя было примѣшать никакого чу-
ствованія, кроме глубокой задумчиво-
сти. Когда я былъ молодъ (приба-
вилъ онъ какъ бы нехотя), то Яхро-
на (*) часто доспавляла мнѣ удо-
вольствіе; посмотри, не доспавимъ
ли теперь ущѣщенія въ горести. Мнѣ
уже наскучило слушать распросы отъ
тѣхъ самыхъ людей, отъ которыхъ
я пришелъ въ нещастіе, и смотрѣть
со спыдомъ на лица окружающихъ ме-
ня, въ томъ числѣ и многихъ прежде
одолженныхъ мною, которые, ка-
жется, хотятъ только сказать: *бѣд-
ной Гитѣ!* По крайней мѣрѣ я не хо-
чу никому быть въ тягость своею
бѣдносстю. — Тупѣ глаза его за-
сверкали, и я проникъ отчаянное его
замѣреніе. Сердце мое отъ ужаса за-
трепетало. Я прибѣгнулъ къ Религіи,
и началъ представлять ему, какъ само-
убийство пропивно Богу; но это зна-

Г 4

чило

(*) Имя рѣки.

чило — прикоснувшись къ истерпой спрунѣ его сердца. — Тишъ уже далеко ушелъ отъ меня. — Я увидѣлъ свою ошибку, и рѣшился поправить ее. Поспой, Тишъ! закричалъ я, догналъ его, — взялъ за руку, и сказалъ ему запыхавшись: Ты знаешь, что я не слишкомъ богатъ, однако жъ — еспѣли то можемъ соспавиша твое щастіе — возьми половину моего имѣнія. Онъ упалъ въ мои объятия, и залился слезами. Я насыщалъ глаза свои симъ зреющемъ; сердце мое билось несказанно, и — я проснулся. Нѣсколько минутъ не могъ я опомниться и увѣришь себя, что это былъ только сонъ. Неизѣясниное удовольствіе разлило легкой и пріятной трепетъ по всѣмъ моимъ жиламъ. Наконецъ очарованіе миновалось, и я съ умиленіемъ воскликнулъ: ахъ! когда споль пріятно дѣлать добро и во снѣ, то какое жъ должно чувствовать удовольствіе, сдѣлавъ его на яву?

В. Под.

VII.

ЖИЗНЬ и ДѢЛА ІОСИФА БАЛЬ-
ЗАМО,

Такъ называемаго Графа Калюстро.

(Продолженіе.)

Мы не должны забывать, что Химія и врачеcное искуcство, которыми хвалился Калюстро, наиболее прославили имя его. Въ свѣтѣ не мало такихъ людей, которые чрезмѣрно привязаны къ Химіи (*), и все еще надѣютсѧ разбогатѣть и продлить жизнь свою посредствомъ *камня мудрыхъ*. Никто не разбогатѣлъ помощю нашего Калюстра; но иногда удавалось ему вылечивать больныхъ, хотя въ самомъ дѣлѣ не имѣлъ онъ почши никакого понятія о Медицинѣ (**).

Г 5

Глав-

(*) Сочинитель почишаешь Химію и Алхимію за одно, такъ какъ прежде подобные ему не отличали Астрономіи отъ Астрологіи. — В.

(**) Однако же можешъ бысть, что ему въ самомъ дѣлѣ извѣсны были нѣкошорыя

Главные лекарства его были *Египетское вино* и такъ называемые *продолжительные порошки Графа Калостра*: первое соспавлялъ онъ изъ обыкновенного вина съ прямыми кореньями, а вторые изъ разныхъ простыхъ травъ. Каждой порошокъ стоилъ ему не болѣе двухъ копѣекъ, а очѣ бралъ за него по семи и по осьми гравенъ. Зналъ, что женщины желають всегда казаться молодыми, продавалъ онъ имъ помаду, отъ которой будто бы и спарухи молодѣть могли, но которая въ самомъ дѣлѣ не производила почти никакого дѣйствія.

Сообразно съ своимъ наимѣнѣемъ, онъ издерживалъ много денегъ,ѣздилъ почти всегда въ каретѣ, занималъ скороходовъ, камердинеровъ и лакеевъ. Въ Парижѣ сдѣлалъ онъ людямъ своимъ ливреи, изъ которыхъ

каж-

опомѣнио дѣйствицельные лекарства, ко-
торыми онъ, какъ - шо многіе неподозри-
тельные люди увѣряютъ, часами выла-
гивали больныхъ. — В.

каждая споила 20 писполей; столъ его былъ открытъ для всѣхъ знакомыхъ, и самъ съ женою своею одѣвался онъ великолѣпно; а чтобы показаться великодушнымъ, то бѣдныхъ лечилъ даромъ, и сверхъ того давалъ имъ еще милосѣнию. Когда же ученики его предлагали ему знаменитые подарки, то онъ не принималъ оныхъ; но часто показывался печальнымъ, — и когда они спрашивали о причинѣ этого ужены его, то она, по уговору съ мужемъ, сказывала имъ за тайну, что Калюспро не получилъ въ срокъ вѣселій, или что его обокрали, и лишили средства помогать бѣднымъ; но что онъ, по своей чувствительности, не хочетъ пользоваться щедростью друзей своихъ. Сіи обманутые друзья прославляли его добродѣтель, и осыпали подарками Лоренцу, прося ее не сказывать о томъ Графу.

Хотя мудрено покажется, что такой человѣкъ въ просвѣщенныхъ городахъ могъ быть почтаемъ новымъ пророкомъ, и даже къ самому трону

Ко-

Королей приближаться; и что самые знаменитые люди искали его дружбы, и слѣпо ему повиновались: однако жъ все сіе вѣрно. Не только на опахалахъ, въ перстняхъ и на медальонахъ носили въ Парижѣ портретъ его, и не только гравированное изображеніе сего обманьщика везде на улицахъ продавали; но даже во многихъ знатныхъ домахъ стояли мраморные и бронзовыя бюсты его и жены его. Подъ однимъ изъ оныхъ написано было: *божественной Калостро.*

Вошедши въ Лондонъ въ Орденъ Масоновъ, поѣхалъ онъ въ Гагу, гдѣ нашелъ одного безразсуднаго богача, которой, будучи спрасившимъ любителемъ лоттереи, заплатилъ ему 400 или 500 шалеровъ за нѣсколько нумеровъ, въ увѣреніи, что сіи нумеры непремѣнно выиграютъ. Голландецъ отправился съ оными въ Бриссель, и когда возвратился назадъ, то Калостра уже не было въ Гагѣ. Подъ именемъ Маркиза Пеллегрини явился онъ по томъ въ Венеции, гдѣ выманилъ

Жилъ у одного купца тысячу червонныхъ, обѣщавъ ему открыть шайну дѣлать золото, превращать пеньку въ шелкъ, и проч. Съ сею добычею послѣшно уѣхалъ онъ въ Германію, и пробрался въ Мишаву. Тамъ игралъ Калюсстрѣ ролю великаго господина и былъ вездѣ очень хорошо принятъ. Одинъ богатой человѣкъ влюбился въ Графиню Калюсстрѣ, и открылъ ей въ своей любви. Сперва она отказалася ему; но Калюсстрѣ (хотя онъ со временеми вступленія своего въ Масоны и оставилъ - было прежнее ремесло свое) будучи ослѣпленъ богатствомъ пламеннаго любовника, уговорилъ ее согласившися на его предложеніе.

Многіе изъ Курляндскихъ дворянъ имѣли къ нему неограниченную довѣренность, и въ ослѣпленіи своемъ хотѣли даже признать его своимъ Государемъ (*); отъ чего однако жь онъ, по словамъ сго, отказался, изъ по-

чтес-

(*) Уже ли Господа Инквизиторы повѣрили въ какой безстыдной лжи? — В.

жденія къ такому высокому сану. Но Лоренца увѣряетъ, что мужъ ея не принялъ сего предложенія только для того, что боялся рано или поздно быть наказаннымъ за свои обманы. Какъ бы то ни было, только онъ съ великими подарками уѣхалъ изъ Мишавы, и отправился въ Петербургъ. Въ семъ городѣ занимался онъ Химіею и Медициною; а оттуда поѣхалъ въ Варшаву, где старался всячески обмануть одного богатаго Князя. Сей господинъ былъ такъ обольщенъ имъ, что вздумалъ учиться у него волшебству, и между прочимъ требовалъ отъ него къ услугамъ своимъ дьявола. Калюстръ долго водилъ его за носъ, и получилъ отъ него нѣсколько тысячи шалеровъ. Когда же Князь обманулся въ надеждѣ имѣть собственнаго дьявола (*), тогда началъ онъ искать Графининой благосклонности; но какъ

она

(*) Демонъ и дьяволъ суть синонимы въ языке шѣхъ почтенныхъ господъ, къ коимъ принадлежишъ нашъ авторъ. — В.

она не захотѣла быть его любовницею, то со всѣхъ споронъ обманутой Полякъ принудилъ Графа и жену его отдать ему назадъ деньги и подарки, ими отъ него полученные, и выѣхать изъ Варшавы. — Они поѣхали по шомъ въ Страсбургъ. Естѣли бы и баснословной Палладіумъ (*) упалъ съ неба въ сей городъ, то его не приняли бы съ такимъ энтузіазмомъ и съ такими почестями, какъ нашего Калюспро. Тутъ познакомился онъ съ однимъ знаменнымъ господиномъ (**), и въ короткое время совершенно овладѣлъ его умомъ. *Я скружила ему голову,* сказалъ онъ однажды женѣ своей: *и прогee тебѣ оставляю.* Они получили отъ него большія суммы денегъ и множество драгоцѣнныхъ каменъевъ, изъ которыхъ иные и теперь цѣлы, и доказывающіе великую щедрость сего

госпо-

(*) Славная Минервина саша, будто бы съ неба упавшая.

(**) Читашели конечно догадаюшся, кто былъ сей *illustre personaggio.* - В.

господина. Графъ предложилъ ему построить увеселительной домъ, где надлежало ему достигнуть до *физического возрождения* (*Rigenerazione fisica*), которое, какъ-то мы въ послѣдствіи увидимъ, было главнымъ обманомъ его Масонской системы; а для сего получилъ онъ отъ него двадцать тысяч ливровъ. — Между многими его учениками въ Стразбургѣ была одна госпожа, которая прѣхала изъ другаго города, единственно для того, чтобы видѣть сего новаго идола, и которая въ обхожденіи съ нимъ узнала по собственному опыту дѣйствіе его *Египетскаго вина*. Наконецъ оставилъ онъ Стразбургъ, боясь гоненія со стороны шамошняго Медицинскаго Факультета, хотя Парижскому Парламенту было отъ него объявлено, будто бы онъ за пять послѣднихъ тогда въ Неаполь, что получилъ извѣстіе о болѣзни одного друга своего, въ семъ городѣ жившаго. — Въ Неаполѣ прожилъ Калюсиръ не долѣе трехъ мѣсяцовъ, и въ допросѣ

захъ своихъ показалъ, будто бы отпушуда вызвалъ его Графъ Вержень; но мы оскорбили бы память сего великаго Министра, еспыли бы повѣрили сему показанію. Въ оправданіи, поданномъ имъ въ Парижской Парламентъ, увѣряетъ онъ, что завись Медиковъ принудила его выѣхать изъ Неаполя, и что онъ хопѣлъ черезъ Бурдоѣхать въ Англію; но жена его опровергаетъ и то и другое показаніе, утверждая, что единственno недоспакъ въ щедрыхъ ученикахъ заставилъ его такъ скоро оставить Неаполь.

Такимъ образомъ возвратился онъ во Францію, и жилъ въ Бурдо, занимаясь Медициною, Масонствомъ и разными обманами. Тамъ влюбился онъ въ одну замужнюю женщину, и часто посещалъ ее; но наконецъ мужъ ея выгналъ его изъ дома, и пришомъ съ такими угрозами, что бѣдной Графъ отъ сильнаго испуга занемогъ горячкою. Во время своей болѣзни увѣрилъ онъ учениковъ своихъ, окружавшихъ

его постелю, будто бы онъ видѣлъ небесное явленіе. Мы опишемъ оное по собственнымъ его словамъ. Два человѣка, говорилъ онъ, схватили его за шею, пощадили въ подземную глубину, и отворивъ дверь, ввели его въ какое-то пріятное мѣсто, освѣщенное весьма великолѣпно. Тутъ было множество людей въ длинныхъ плащахъ, которые всѣ праздновали и веселились, и между которыми узналъ онъ многихъ изъ умершихъ масонскихъ сыновъ своихъ. Ему казалось, что онъ совсѣмъ вышелъ изъ слезной юдоли мира, и находится въ раю блаженныхъ; на него надѣли бѣлую мантію, и дали ему мечъ, подобной тому, которой Ангелъ поразитель держишъ въ руки своей. Онъ шелъ впередъ, и будучи ослѣпленъ великимъ сїяніемъ, упалъ на землю и возблагодарилъ Всевышняго за то, что Онъ ввелъ его въ царство небеснаго блаженства; но неизвѣстной голосъ сказалъ: Се награда, которую ты никогда не получишъ; но прежде должно тебѣ еще много трудиться. Симъ

кончилось явленіе, которое, естъли ему вѣришь, утвердило его въ намѣреніи распространять свое Масонство. Но жена его увѣряетъ, что онъ все сіе выдумалъ для ослѣпленія учениковъ своихъ. Слѣдующее приключеніе можно причислить къ плодамъ сего знамаго явленія. Одна благородная вдова, которая вѣрила его тайной наукѣ, дала ему 5000 либръ, въ надеждѣ, что онъ покажетъ ей кладъ, которою, по его увѣренію, зарытъ былъ въ саду ея.

Изъ Бурдо поѣхалъ онъ въ Ліонъ, и основалъ тамъ матъ ложу своего Египетскаго Масонства. Когда же собрался онъ оттудаѣхать, то потребовалъ отъ учениковъ своихъ 400 или 500 луидоровъ, обѣщаю сообщить имъ за то нѣкоторыя изъ химическихъ своихъ шаинствъ, а именно: приготовленіе прохладительныхъ порошковъ, и искусство превращать металлы и дѣлать золото. Единственное доказательство знаній его въ семъ искусствѣ состояло въ нѣкоторыхъ

экспериментахъ, кошорые дѣлалъ онъ со ртутью; но когда сіи легковѣрные люди приступили къ главному дѣлу, то ничего не вышло. Но у Каліостра всегда готово было оправданіе на такой случай. *Вы конечно вѣдь нѣкуда погрѣшили*, говорилъ онъ: можетъ быть вы усомнились въ моей мудрости, и за то судьба наказала васъ неудачей.

Наконецъ прїехалъ онъ въ Парижъ, и около мѣсяца былъ памъ предметомъ всѣхъ разговоровъ. Мы упомянемъ здѣсь только **объизвѣстномъ дѣлѣ ожерелья**; но какъ все то, что о семъ писано было въ журналахъ и въ вѣдомостяхъ, подвержено еще сомнѣнію: то мы, оставляя все прочее, скажемъ только то, что **можетъ сказать безъ ошибки**. Трудно рѣшиТЬ, кто въ семъ дѣлѣ показалъ болѣе хитрости: Госпожа ли ла-Мопъ или Каліостро. Но извѣстно то, что они играли тутъ первыя роли — съ общаго ли согласія, или нѣтъ, сіе оставляемъ нерѣшеннымъ. Впрочемъ
Калі-

Калюстрю видѣлъ весьма ясно, что Ж. ла-Мотъ хотѣла присвоить себѣ ожерелье. Онъ зналъ даже и то, что она подписалась для сего подъ руку одной знамной особы.

Не смотря на то, Калюстро старался всячески вовлечь въ сѣпи свои легковѣрнаго (*), возбуждая въ немъ любовь и гордость, и обѣщаючи увѣнчать его желанія щастливѣйшимъ исполненіемъ (**); за что былъ онъ щедро награждаемъ. Наконецъ приблизилась развязка пїесы; онъ предвидѣлъ ее, и хотѣлъ отвратить слѣдствія — но поздно! Думали, что Калюстро участвовалъ съ прочими въ заговорѣ, и для того посадили его въ Баспилію. Однако жъ онъ, подкупая караульныхъ, переписывался съ своими союзниками, и даже нашелъ случай переговорить съ ними. Будущихъ призваній въ судъ, онъ во всемъ

Д 3 за.

(*) Кард. Р.

(**) Сочиниша всічески стараешся пройти скорѣе сіе скользкое мѣсто въ Калюстрювой исторіи. — В.

заперся, и Гж. ла-Мопъ, въ очной спавкѣ съ Калюстромъ, безстыдствомъ его была приведена въ такое бѣшенство, что бросила ему въ глаза подсвѣшникъ.

Читашемъ нашимъ уже извѣстіе топъ романъ, которой выдалъ тогда Калюстро за свою исторію, и въ каторомъ называетъ онъ Альшопаса своимъ Менторомъ, научившимъ его Ботаникѣ, Медицинѣ, Химії, вос точнымъ языкамъ и наукѣ Египетскихъ пирамидъ, гдѣ хранившія драгоцѣнныиѣ знанія человѣка.

Ученики его, повѣрили его вымысламъ. Оправданіе его (*) напечатано со всею типографскою пышностю, и подъ гравированнымъ его портретомъ на заглавномъ листѣ находится слѣдующая надпись: *Признайте об семѣ образѣ друга человѣковъ! Всѣ дни свои озна чаетъ онъ новыми благодѣлиями, продолжаетъ ѿкѣ человѣтеской, помогаетъ*

бѣда-

(*) Сие оправданіе переведено на Русской и напечатано въ Петербургѣ.

бѣднымъ, и удовольствіе быть полез-
нымъ почитается за единственную свою
награду. Напротивъ того Адвокаты
Гжи. ла-Мопъ называли его невѣждою,
всесовѣтнымъ обманщикомъ, безбожни-
комъ, колдуномъ, злодѣемъ. Они ссы-
лались на дѣла и на свидѣтелей, и
въ заключеніи своей рѣчи сравнивали
его съ извѣстнымъ обманщикомъ Іоси-
фомъ Борри, которой нѣсколько вре-
мени обманывалъ Европу, и въ Спраз-
бургѣ игралъ точно такую же роль,
какъ Калюспро — и которой послѣ
опрекшись отъ заблужденій своихъ въ
Римѣ передъ судьями св. Инквизиціи,
былъ сосланъ въ ссылку, гдѣ и кон-
чилъ жизнь свою въ 1695 году.

Междѣ многими Калюсцовыми бу-
магами нашли въ Римѣ одну малень-
кую книжку, имъ самимъ сочиненную,
въ которой онъ крашко описываетъ
главныя приключенія своей жизни, по
упомянутой ложной системѣ, для то-
го (говоритъ онъ) чтобы послѣ со-
чинить и выдать полную свою испо-
рію. Вообще во всѣхъ своихъ допро-

сажъ оказалъ Калюстровъ великую склонность къ баснословнымъ повѣстямъ; и видя, что наши судьи не такъ легковѣрны, какъ Васильскіе, вѣдѣмъ онъ наконецъ перемѣнишь тонъ и сказать, будто бы родъ его происходитъ отъ Карла Мартеля (*). Странно, что сїя ложь не пришла ему на мысль во Франціи, гдѣ бы она ему болѣе пользы принесли могла! Но когда Римскіе судьи заставили его написать свою родословную, то онъ совсѣмъ замѣшался, и ложь открылась.

Хотя показанія Калюстровы всѣми благоразумными людьми признаны за баснь, однако жъ онъ былъ объявленъ невиннымъ. Освобожденіе его весъма обрадовало учениковъ его и многихъ другихъ людей. Да здравствуетъ Калюстро! кричали въ толпѣ народа; многіе освѣшили домы свои и ходили съ музыкою по улицамъ. Но слава его не долго продолжалась. Чрезъ

(*) Дѣда Карла Великаго,

рѣзъ день послѣ того получиаъ онъ Королевское повелѣніе, выѣхать въ 24 часа изъ Парижа, и въ три недѣли изъ Франціи. Хотя множество людей собралось передъ его домомъ, и всѣ они хотѣли защищать его противъ Короля; однако жь онъ побоялся быть жертвою бунта, и успокоилъ ихъ увѣреніемъ, что они *изъ другаго мѣста услышатъ его голосъ*. По томъ уѣхалъ онъ въ деревню Пасси, комо-
рая находится въ трехъ верстахъ отъ Парижа. При семъ случаѣ многіе изъ придворныхъ провожали Калю-
стро, и ученики его по очереди споя-
ли на караулъ передъ его кабинетомъ. Тамъ принялъ онъ многихъ модныхъ гостівъ въ свой оденъ, и за данной имъ патеншъ требовалъ съ нихъ плата, но только не денежнаго. Наконецъ онъ принужденъ былъ оспа-
вить Францію и возвратиться въ Лон-
донъ.

Прїехавъ туда, Калюстро то-
чашъ послалъ къ Французскому Ко-
рю жалобу на Басильскихъ начальни-
ковъ,

ковъ, Шену и де-Лоне, утверждая, что они похитили у него разныя драгоценныя вещи. Съ обѣихъ сторонъ было о семъ много писано, и наконецъ дѣло дошло до Королевскаго Совѣта, которой по справедливо-спи призналъ Калюсцию жалобу за клевету. Римскіе суды, зная коварство сего человѣка, при самомъ началѣ процесса велѣли ему самому переписать всѣ его вещи, чтобы онъ и ихъ не называлъ похитителми.

Рѣшеніе Королевскаго Совѣта такъ его раздражило, что онъ шоп-часъ рѣшился отмстить Французскому Двору, и къ одному изъ Парижскихъ учениковъ своихъ послалъ планъ весьма возмутительного письма къ французскому народу, въ которомъ старался онъ унизить Королевскую власть и представить систему правленія съ самой худой стороны. Коммиссіонеръ его выработалъ сю пїесу и отоспалъ къ нему назадъ въ Лондонъ, гдѣ Калюсиръ издалъ ее въ свѣтъ. Между тѣмъ въ сиданіяхъ своихъ съ

са-

часто упоминаемыи знаменитыи французскимъ господиномъ, которои для него прїхалъ въ Лондонъ, возбуждалъ онъ его вслчески пропивъ Королевской власши, говоря, что подобно какъ Темпельгеры, или Кавалеры Храма, опмыли смерть своего Великаго Масшера, такъ должно и ему наказать своихъ злодѣевъ во Франціи. Египетское Масонство служило ему къ распространенію сихъ возмутительныхъ идей, и всѣмъ тѣмъ, которые могли быть ему чѣмъ нибудь полезны, обѣщалъ онъ сообщить *сверхъестественные градусы* (!!).

Мы не знаемъ, имѣло ли все сѣ какое нибудь влияніе на Французскую революцію; однако жь удивительно то, что онъ въ семь письмъ предсказывалъ разрушение Бастиліи и собраніе государственныхъ Чиновъ. За нѣсколько недѣль до того времени, какъ его взяли здѣсь подъ стражу, писалъ онъ изъ Рима письмо къ Народному Собранию, и просилъ позволенія возвратиться во Францію, говоря, что онъ

онъ усердно желалъ свободы французовъ.

Во время сего третьяго пребыванія его въ Лондонѣ началась у него война съ Гм. Мораномъ, Издателемъ Европейскаго вѣстника (*Courier d'Europe*). Поводъ къ сему былъ слѣдующій. Калюстръ въ письмѣ своемъ къ Англійскому народу признается, что онъ въ одномъ обществѣ сказалъ, будто бы Мединскіе жители избавляющія отъ львовъ, тигровъ и леопардовъ тѣмъ, что кормятъ свиней своихъ мышьякомъ, и по томъ отгоняютъ ихъ въ лѣса, гдѣ онъ служатъ отправою для хищныхъ звѣрей. Сочинитель вѣдомостей по справедливости смѣялся надъ сею баснею; но Калюстръ на него весьма осердился, и предложилъ ему вызовъ совсѣмъ особли-
ваго рода — а именно, онъ публиковалъ въ вѣдомостяхъ, чтобы Гм. Моранъ пожаловалъ къ нему въ гости, и сѣялъ бы смѣсть съ нимъ по-Медински накормленнаго поросенка. „Я
бьюсь обѣ закладъ (говоритъ онъ
въ

въ семъ приглашени), бясь о 5000 гинеяхъ, что Г. Моранъ отправится на топъ свѣтъ, а я останусь живъ.,, — Сочинитель вѣдовостей не былъ такъ глупъ, чтобы принять сей вызовъ; за что Калюспро разругалъ его публично. Наконецъ Моранъ пошерялъ периѣніе, и передъ цѣлымъ свѣтомъ снялъ съ него маску. Действіемъ сего было то, что многіе заимодавцы и обманутые имъ люди позвали его въ судъ, и Калюспро принужденъ былъ бѣжать изъ Англіи.

Жену свою оставилъ онъ въ Лондонѣ, а самъ уѣхалъ въ Базель. Лоренца почувствовала тогда угрызеніе совѣсти, и открыла многимъ честнымъ людямъ беспокойство свое въ разсужденіи поступковъ своего мужа. Сей послѣдній провѣдалъ о томъ, помчавъ призвалъ ее къ себѣ, и заспавъ ее передъ Бильскимъ Магистромъ объявилъ, что все говорено сю о мужѣ ея есть одно злословіе, и что онъ всегда былъ честнымъ человѣкомъ и хорошимъ Каполикомъ.

П.

По томъ поѣхалъ онъ въ Савою (гдѣ Лоренца пользовалась дѣлишельными водами), а оттуда въ Туринъ; но по Королевскому повелѣнію ему немедленно должно было оставить есей городъ. Въ Ровередо пробылъ онъ долѣ; но какъ покойной Импераціи Іосифъ II запретилъ ему шамъ отправлять должность врача, то онъ уѣхалъ въ Тріеншъ. Черезъ нѣсколько времени по томъ вышла въ свѣтъ маленькая книжка подъ титуломъ: *Liber memorialis de Calisto dum esset Roboreti*, въ которой обстоятельно разсказаны многія худыя дѣла, сдѣянныя имъ въ Ровередо. Сїе сочиненіе было бы весьма изрядно, еспѣли бы Авторъ не подражалъ слогу Евангелія; почему-многіе называли оное Евангеліемъ Графа Калостро. Но тѣхъ, которые читали сїю книгу, можемъ мы увѣриТЬ, что самъ Калостро въ допросахъ своихъ подтвердиЛъ испину описанныхъ въ ней приключеній, и жаловался только на сапирической и юдской слогъ ея.

ВЪ Тріенѣ надѣялся онъ распрос-
транить свое Масонство; однако жь
благочестіе памощнаго Князя-Еписко-
па помѣшало сему распространенію,
хотя онъ, хвалясь своими химическими
и медицинскими знаніями, и полу-
чилъ доспупъ ко Двору его. ВЪ сіе
время была ему такая нужда въ день-
тахъ, что онъ приужденъ былъ въ
Виченцѣ заложить большой драгоцен-
ной камень. Будучи изгнанъ изъ Па-
лермо, изъ Франціи, изъ областей Ко-
роля Сардинскаго, и прослывъ вездѣ
обманщикомъ, не зналъ онъ, куда
ему дѣваться, и гдѣ искать денегъ.
ВЪ семъ запрудненіи вздумалось ему
возвратиться въ Германію; но онъ
оставилъ сіе намѣреніе, узнавъ, что
Тріенской Князь - Епископъ полу-
чилъ отъ нѣкотораго знакнаго чело-
вѣка письмо, въ кошоромъ онъ совѣ-
товалъ ему не держать Калюсстра
при Дворѣ своемъ; для того что
Императоръ тѣмъ весьма недово-
ленъ. ВЪ такомъ положеніи весьма
еспесивно было ему отправиться

въ Римъ (*). Онъ надѣялся, что прежнія преступленія его тамъ забыты, и что въ Графъ Калюстро никто не узнаетъ Госифа Бальзамо; однако же иудрая бдительность нашего Государа (т. е. Папы) приводила его въ ужасъ.

Лоренца всячески упрашивала его возвратиться съ нею въ Римъ; потому что ей очень хотѣлось видѣть своихъ родителей и оставить такой образъ жизни, которой казался ей богопротивнымъ и опаснымъ. Нѣкоторые изъ придворныхъ Князя - Епископа, кошорые были Калюстровыми друзьями, вмѣстѣ съ нею уговаривали на то Графа, и наконецъ уговорили. Онъ спарался получить рекомендательныхъ письма отъ знатныхъ особъ, а особенно отъ Князя - Епископа, и для него избралъ путь лицемѣрія, при-

шво-

(*) Сіе не всякому покажется естественнымъ. Вѣроятно, что шумъ были какія нибудь особливыя обстоятельства, о которыхъ Авторъ говоритъ не хочещъ. — В.

творясь кающимся грѣшникомъ, упавъ въ ноги къ духовнику, и увѣривъ его въ своеемъ желаніи оставить Египетское Масонство, возвратившися въ объятія церкви, и для того вѣхать въ Римъ. Духовникъ повѣрилъ ему, сказалъ о томъ Князю-Епископу, и уговорилъ его дать Графу рекомендательные письма. Но Калюстровъ сердцѣ своемъ весьма удаленъ былъ отъ благочестія. Пришедши домой, сказалъ онъ женѣ: я обманулъ попа!

Въ концѣ Мая мѣсяца прїѣхалъ онъ съ женою своею въ Римъ, и сначала жилъ осторожно; но скоро принялъ опять за обманы и за свое Египетское Масонство, о которомъ мы въ другомъ мѣстѣ говорить будемъ. Здѣсь замѣнимъ только то, что онъ многихъ людей обольстилъ повѣспованіемъ о своемъ высокомъ родѣ, о своихъ путешесствіяхъ и знаніяхъ, и брался многихъ лечить, но только всегда нещастливо. У одной иностранный дамы были на ногахъ нарывы; онъ взялся вылечить ее, и дѣлъ ей

такой пластырь, отъ котораго чумъ было не сдѣлался у нее ракъ. Одной знанной замужней госпожѣ, не имѣвшей дѣтей, предписалъ онъ химическія лекарства, но которыя по сїе время не принесли никакой пользы. Другая госпожа, потерявъ здоровье отъ безпорядочной жизни, прибѣгла къ его искусству, и получила отъ него пилюли, которыя ни мало не излечили ея болѣзни. Онъ влюбился здѣсь въ одну женщину, и сдѣлался ея любовникомъ. Изъ переписки ихъ видно, что они помѣнялись другъ съ другомъ кольцами, какъ женихъ съ невѣстою. Часто старался онъ соблазнить молодыхъ дѣвушекъ, а особенно служанку своей жены, которая однако жъ не согласилась на его предложеніе.

Но все сїе не наполняло кошелька его; наконецъ не осталось у него ни конѣики, и онъ принужденъ былъ заложить нѣкоторыя изъ вещей своихъ. Къ нещастію его, жилъ онъ между такими людьми, которые смотрѣли на

не-

него открытыми глазами, и никакъ не хопѣли за дураческва его пла-
тишь ему деньгами. Между тѣмъ со-
вѣстъ мучила его какъ преступника,
и не давала ему нигдѣ покоя. Наконецъ
рѣшился-было онъ опять уѣхать изъ
Рима. Текущее состояніе Франціи
казалось ему благопріятнымъ для его
промысла. Онъ написалъ письмо къ
Национальному Собранию, и просилъ
позвolenія возвратиться въ Парижъ.
Одинъ изъ знакомыхъ сказалъ ему,
чтобы онъ остерегался, и что его
хотятъ взять подъ караулъ. Сей чено-
вѣкъ сдѣлалъ сїе единственно по своей
вѣтрености, не имѣя никакихъ иныхъ
причинъ быть шпиономъ всемѣрного
обманьщика. Однако жь Калюсиро же
послушался его, не ушелъ и не сжегъ
своихъ бумагъ, которыя послѣ по-
служили доказательствомъ его пре-
ступленій. 27 Декабря 1789 года вве-
черу былъ онъ взятъ подъ стражу,
и посаженъ въ замокъ Св. Ангела.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

VIII.

НОВЫЙ ГОДЪ.

Гряди, юный сынъ вѣтности, гряди
къ намъ съ миромъ! —

Любезная Аглай! къ тебѣ спѣшу
я въ сїю минуту — спѣшу со всѣмъ
пламенемъ чистѣйшаго дружеспва при-
жать тебя къ моему сердцу, напечатавъ
плѣть огненный подълуй на устахъ
твоихъ; и сказать тебѣ: „Милая
Аглай! поздравляю тебя съ новымъ
годомъ!“

Ты молчишь, прекрасная . . . по-
жимаешь руку мою, и слезы блиста-
ютъ въ черныхъ глазахъ твоихъ . . .
Ахъ! онѣ каплютъ; каплютъ на мое
сердце, подобно перламътъ небеснаго
дождя, падающимъ сквозь солнце; бѣ-
лой флеръ подымается на груди
твоей.

Сердца наши разумѣютъ другъ
друга. Насступающій годъ не возвра-
шимъ тебѣ того, чего лишилась ты
въ прошедшемъ!

О естъли бы всемогущій Рокъ по-
ручилъ мнѣ на время свой скіпетръ!
Тогда, прекрасная, тогда бы жизнь
твоя была подобна лучу солнечному,
все освѣщающему и ничѣмъ не помра-
чаемому! Но, увы! я не могу воскре-
сить Изидора! Могу только плакать
вмѣстѣ съ тобою . . . вонъ слезы
мои!

Теперь пущистая зима осыпала
снѣгами своими хладную землю, и со-
крыла отъ глазъ нашихъ могилу лю-
безнаго; но когда придетъ благосло-
вленная весна, и снявъ съ полей снѣж-
ные покровы, разспелишъ повсюду
зеленые ковры свои: тогда, любезнаж
Аглая, пойдемъ мы къ тому мѣсту,
гдѣ лежишъ прахъ незабвенного друга
нашего. Тамъ сладкогласной словесъ,
пѣвецъ отъ гроба Орфеева (*), вос-
поепъ тебѣ нѣжную утѣшиительную
пѣснь свою; тамъ каждая возницающа
правка, и каждый благовонный цвѣто-

Е 3

чикъ

(*) Извѣстно, что на Орфеевомъ гробѣ пѣлъ
словесъ пріятели, искажи гдѣ нибудь.

чикъ скажемъ тебѣ: *въ темныхъ нѣдрахъ земли таилась жизнь моя!* Мысль о бессмертіи возсіяєшъ въ душѣ твоей — и ты увидишь Изидора, проспирающаго къ тебѣ свои объятія изъ страны опідовъ нашихъ. —

*Гряди, юный сынъ вѣтности,
гряди къ намъ съ миромъ!*

IX.

ВЕЧЕРА.

Повѣсть седьмая.

Я также одинъ разъ въ жизнь мою была щаслива (сказала Маркиза де - Соланжъ), и почти такимъ же образомъ, какъ добродушной нашъ Священникъ.

Сестра моя, Гж. Кларвиль, была женщина старого вѣка. Я вмѣстѣ съ нею выросла: но впороге наше воспитаніе было не одинаково. Мужъ ея, человѣкъ благоразумной и набожно ѿ любимой, образовалъ разумъ и характеръ ея; а мой мужъ, котораго я

такъ

также очень любила, былъ человѣкъ свѣтской и давалъ мнѣ во всемъ полную волю. Говорили даже, что онъ меня поршилъ; но я этому не вѣрила. Правда, что черезъ два года послѣ нашего замужства я и сестра моя такъ перемѣнились, что между нами не осталось уже никакого сходства; однако жь она прощала мнѣ мои склонности и приходи, и обѣщалась всегда быть другомъ моимъ, пока я буду *только* вѣтрена. Благодаря Судьбу, я дожила наконецъ до тѣхъ лѣтъ, въ которыхъ уже всѣ опасности исчезаютъ, и дружба ея ко мнѣ ни мало не охладѣла. Въ домахъ нашихъ, какъ то вы легко себѣ представить можете, было все различно: она держалась во всемъ спарыхъ, а я новыхъ обычаевъ. Но въ то время, какъ женился сынъ ея, надлежало ей согласиться на нѣкоторыя перемѣны въ образѣ жизни. Къ молодымъ людямъ началиѣздитъ молодыя люди, и между знакомыми моего племянника не нравились сестрѣ моей почно тѣ,

которые казались ми любезнейе прочихъ. Она находила ихъ безразсудными и скучными, принужденными въ обхождени и лишенными всѣхъ напуральныхъ прѣятностей; и самой топъ, которому я передъ всѣми другими отдавала преимущество, казался си всѣхъ неноснѣ.

Молодой Виларъ, назначенный по знатному своему роду къ первымъ должностямъ въ гражданской службѣ, избралъ сїе состояніе только въ угоденіе своей фамиліи, и старался показывать, что чинъ Президента не есть пристойной для него чинъ. Ему недоставало только мундира, чтобы быть самымъ любезнѣйшимъ Офицеромъ. Онъ презиралъ скучную судейскую важность, былъ свободенъ и прѣятенъ въ обхождени, и въ понѣ своемъ съ женщинами никогда не преступалъ предѣловъ благопристойной вольности; но взоры его не всегда были такъ скромны, какъ слова.

Такой судья не могъ нравиться сестрѣ моей. Свойство разума его

также ей не полюбилось. Онъ былъ самаго бѣглаго ума, чашто говорилъ остроумные слова, шупилъ, смѣшилъ, и проч.; но вѣ мысляхъ его не надлежало искать никакого порядка. Цѣлой день могъ онъ говорить безпрестанно, но только безъ всякаго разсужденія, и лепая отъ предмѣта къ предмету, почелъ бы за великой труда, если бы заспавили его хопя двѣ минуты подумать о сказанныхъ имъ словахъ; но разговоры его самою своею легкостью нравились вѣ обществѣ.

Молодые мушки и женщины не могли его наслушаться. Зная отъ всего помаленьку, онъ казался всезнающимъ, и заспавлялъ людей удивляясь его учености. Но ни сестра моя, ни ея короткое пріятельство не удивлялись ему, видя вѣ знаніяхъ его одну поверхность безъ всякаго основанія. Что принадлежитъ до меня, то я была гораздо снисходительнѣе, и находила разумъ его пріятнымъ, не думая объ основательности. Иногда хопѣлось мнѣ только,

чтобы онъ наблюдалъ болѣе скромно-
сти — и Калиста, племянница моя,
была почти одного мнѣнія со мною,
какъ - то вы въ послѣдствіи увидите.

Однажды, когда при ней я защи-
щала Вилара, сестра моя сказала мнѣ:
„Можно ли извинять надменность мо-
лодаго вершопраха, которой ни въ
чемъ не сомнѣваешься, все рѣшишь, и
не хочешь слушать умныхъ людей?
Не говори мнѣ никогда объ эпомъ
вѣтреномъ и щедравномъ человѣкѣ!
По крайней мѣрѣ хотя для чина сво-
его надлежало бы ему показывать бо-
льше важности въ своихъ поступкахъ,
и не брашь на себя такого виду, ко-
торой столько несогласенъ съ его зва-
ніемъ. Я сердечно жалѣю о той жен-
щинѣ, которая будеъ его женою;
жалѣю о матери, которая имѣетъ
такого сына, и очень недовольна тѣмъ,
что мой сынъ съ нимъ познакомился.
Впредь подобные ему люди никогда не
будутъ у меня въ домѣ.,,

Если бы въ эту минуту взгля-
нула я на свою племянницу, то бы

конечно увидѣла ея замѣшательство ; но мнѣ не случилось примѣтить этого. Приязанность моя къ Вилару была не сердечная : и такъ я замолчала. Скоро по томъ въ домъ сестры моей спало все по прежнему очень важно и скучно для веселаго Вилара ; а какъ сверхъ шого начали принимать его очень холодно , то онъ совсѣмъ пересталъ къ ней ъздить. Иногда я видала его въ общеспвахъ , и мнѣ казалось , что онъ спалъ благоразумиѣ , осторожиѣ и — скучиѣ . Надобно , чтобы внутренность имѣла свои пріятности ; потому что всякой человѣкъ , которой исправляется отъ эпоха порока , дѣлающа уже не споль любезенъ.

Молодая Госпожа Кларвиль , будучи отъ природы тихаго нрава и застѣнчива , безъ всякаго шруда привыкла жить такъ , какъ жила свекровь ея. Мужъ любилъ ее спрасно , и дышалъ только ею ; мѣсто забавъ и мечты было занято въ душѣ его чувствомъ испиннаго щасія —

и по тому самъ онъ отказался отъ разсѣянной жизни, котоrая нравится только сердцамъ празднымъ.

Между тѣмъ Калиспа, племянница моя, по видимому спокойно ожидала отъ матери решенія своей участки. Мы начали говорить о ея замужествѣ, и сестра моя спросила у нее, кому отдаeтъ она преимущество изъ жениховъ своихъ, которыхъ число со дня на день умножалось. Калиспа съ обыкновенною своею крошостью отвѣчала ей, что должностiи супруги и матери починаетъ она священными, и не можетъ взять ихъ на себя безъ размышленія. „Позвольте мнѣ, матушка (сказала она), позвольте мнѣ на некоторое время удалившись въ монастырь, и въ глубокой тишинѣ, при священныхъ олтаряхъ, посовѣтоваться съ Небомъ и съ сердцемъ своимъ! Назначьше время — и по томъ дочь ваша готова будеtъ повиноваться вашей волѣ.“ Сестра моя удивилась этому отвѣту; и хотя ей пріятно было видѣть въ Калиспѣ такую набож-

Божность, однако жь она сказала ей, что нѣжная мать можетъ участвовать въ совѣтѣ ея съ Небомъ, и что ей не нужно для того удаляться въ монастырь. „Если бы вы, опровергала Калиста, могли вмѣстѣ съ Небомъ читать въ душѣ и въ сердцѣ моемъ; не заспавляя меня изясняешь всѣхъ ихъ чувствованій, то я сказала бы вамъ: *читайте, и расположайтесь мню.* Но нѣжное почтеніе, которое во всю свою жизнь буду имѣть къ вамъ, и страхъ огорчить васъ — страхъ, показался вамъ недостойною вашей любви — никогда не позволяющъ мнѣ открыть вамъ всѣхъ сокровенностей моего сердца, хотя вы совершенно достойны такой довѣренности. Я хотѣла бы того, но никогда не найду въ себѣ сполько смѣлости. Гдѣ та чистая душа, которая дерзнула бы совсѣмъ обнажить себя передъ кѣмъ нибудь, кроме Того, Кто все видитъ и все прощаетъ? „Такимъ образомъ племянница моя ясно сказала, что у нее есть тайна, ко-

шторой она не смеетъ открыть ма-
тери; но сестра моя иначе расположе-
вала отвѣтъ ея, и согласилась съ
нею, что въ душѣ нашей бывающій
шакія чувствованія, въ которыхъ мы
должны давать отчетъ только од-
ному Богу; и что мать, которая
потребуетъ его отъ своей дочери,
пресступивъ уже предѣлы правъ сво-
ихъ. Монастырь выбрали, и пле-
мянница моя была отвезена туда са-
мою матерью, которая, разсказывая
мнѣ содержаніе своего разговора съ
Калистою, не оказывала ни малѣй-
шаго беспокойства. Я также не во-
шла въ сильное подозрѣніе, и наконецъ
совершенно успокоилась, видя, что
Калиста была довольна и спокойна
всякой разъ, когда я прїезжала къ ней
въ монастырь.

Между тѣмъ, черезъ три мѣ-
сяца, сестра моя получила отъ нее
письмо, въ которомъ она — въ выра-
женіяхъ самыхъ почтительнѣйшихъ,
но припомъ и въ самыхъ убѣдитель-
ныхъ

мыхъ — упрашивала ее позволить ей постричься. Письмо ея, такъ сказать, дышало самою ангельскою набожностью. Сестра моя была тѣмъ очень тронута. „Сохрани меня Богъ“, сказала она мнѣ, чтобы я воспротивилась такому святому желанію, еспѣли оно исполнено! Но прежде надобно испытать его., — Калистъ былъ еще двадцатой годъ. Машь ея требовала, чтобы она постриглась не прежде назначенныхъ къ тому лѣтъ.

Въ девушкѣ, которая по своему роду, а особливо по красотѣ своей, могла бы наслаждаться въ свѣтѣ совершеннымъ щасіемъ, весьма удивила меня такая склонность къ монашеской жизни. Я догадывалась, что она еще прежде вступленія своего въ монастырь рѣшилась тамъ навсегда остаться, и тѣмъ болѣе желала узнать причину такого рѣшенія. Прежде всего надлежало мнѣ поговорить съ Игуменьею, которая была очень добрая женщина, хотя гордящаяся своимъ родомъ, однако жъ искрен-

жо набожная , говорливая и проспo-
дущная.

Правда ли , сударыня , сказала я ,
что дѣвица Кларвиль , племянница моя ,
имѣетъ желаніе постричься ? —
Нѣтъ , сударыня (отвѣчала Игумѣнья)
она не желаетъ , а чувствуетъ въ
себѣ святое званіе вступить въ нѣ-
бесной санѣ . Въ этомъ вы можете
мнѣ вѣришь ; потому что я дѣло
знаю , и никогда не обманываюсь . Въ
ней видите вы безпримѣрную ревносТЬ
къ святой вѣрѣ , младенческое послу-
шаніе , крохотность , чистосердечіе и
невинность горлицы . . . Ахъ , суда-
рыня ! поблагодаримъ Господа , что
она спаслась отъ всѣхъ хищныхъ
тицъ міра сего ! Будучи такъ прекрас-
на , и ни мало не думая о красотѣ
своей ; будучи такъ спыдлива , бояз-
лива и скромна , что одно слово мо-
жетъ успрашить ее , и одно дунове-
ніе помрачить ея душевную чисто-
ту . . . Боже мой ! я ужасаюсь , во-
ображая всѣ тѣ опасности , которыми
она была бы подвержена въ свѣтѣ ! Я
знаю ,

знаю, сударыня, знаю все, что у васъ дѣлается. Самые знамѣнитѣе люди, то есть *родственники мои*, ко мнѣ жалуютъ. Часто бываютъ у меня и благочестивые мужи: отецъ Амвросій, отецъ Апсельмъ, отецъ Серафимъ — мужи, у которыхъ всѣ требуютъ *совѣта*, и которые просвѣщаютъ вѣкъ нашъ. Во всемъ томъ, что они мнѣ рассказываютъ, вижу я одно дурачество, обманы и пѣщету, суевіе Спекакли, скучные ужини, спрашную роскошь и жалкія забавы. — Вы можете быть правы, опровергала я: но племянница моя ничего этого не знаетъ, если вы по своей благосклонности — „О! нѣтъ“ (перервала Игуменья), и я клянусь вамъ Богомъ, что она еще въ домѣ родителей своихъ рѣшилась отказатьсь отъ мірскаго ничтожества; мнѣ оставалось только упвердить ее въ богоугодномъ намѣреніи.,

Такимъ образомъ объяснилось первое, что мнѣ знать хотѣлось. Но скажите, сударыня (продолжала я),

примѣчаешь ли вы въ ней ту веселость, тѣ лучи радости, которыя показываютъ довольную душу? — „Нѣтъ (опѣчала Игуменья), она совсѣмъ несклонна къ веселости, а любитъ болѣе пишину, уединеніе и глубокія размышленія. Вы согласитесь со мною, сударыня, что такія похвальные склонности нынѣ очень рѣдки, и что за все эпо надобно благодарить Бога.,,

Тутъ открылось мнѣ еще, что племянница моя печальна и задумчива, „А въ эпой меланхоліи (спросила я у Игумены) не примѣчаешь ли вы иногда скуки?,, — Скуки, сударыня! опѣчала она: да можно ли у насъ скучать? Здѣсь вѣсѣ живутъ по своей склонности. Кто хочетъ работать, работай; въ домѣ у насъ не мало дѣла. Но работа не прилична вашей племянницѣ. Она избрала себѣ жизнь умозрительную, которая доспавляетъ ей конечно много удовольствія. Даже и въ прогулкахъ нашихъ Калиста любитъ заниматься размышленіемъ, ш. е.

тогда, когда мы гуляемъ по саду, гдѣ найдете вы множество сѣнно-спыхъ деревъ, поющихъ птичекъ, зеленыхъ лужковъ, цветовъ и плодовъ всяаго роду; а надъ головами нашиими вообразите себѣ чистое небо, блестящія облака, днемъ солнце, а ввечеру звѣзды, лунное сіяніе, лазурной сводъ. - - - ахъ, сударыня! вы конечно признаетесь, что ничего не можете быть пріятнѣе такой прогулки. Не правда ли, говорю я вашей племянницѣ, не правда ли, дочь моя, что это зрѣлище можетъ наполнить всякое сердце радостію и удивленіемъ? Правда, отвѣчаетъ она; но надобно, чтобы сердце было покойно. По томъ она снова погружается въ задумчивость и вздыхаетъ отъ сильнаго движенія, производимаго въ душѣ ея чудесами Напуры; иногда же въ воспоминаніи своемъ проливаетъ слезы.

Признаюсь, что я совсѣмъ иначе плакала слезы моей племянницы. Между тѣмъ Игуменья безпрестанно говорила. Я надѣюсь, сказала она,

что сестра Калиста займетъ со временемъ мое мѣсто. Мнѣ пятьдесятъ лѣтъ, а ей двадцать; я успѣю приготовить ее къ отправленію такої важной должности. Вамъ, сударыня, конечно пріятна эта надежда, хотя любезная моя Калиста не хочеть о томъ и слышать, и всякой день уверяетъ меня (какъ будто бы Ангелъ съ неба о томъ ее предувѣдомилъ!), что я буду плакать на гробѣ ея, а не она на моемъ.

Послѣднія слова дали мнѣ чувство, что сердце моей племянницы жестоко терзалось, и я разспалась съ Игуменѣю въ твердомъ намѣреніи удалить отъ олтаря эту слабую и кроткую жертву.

На другой день я сама съ нею увидѣлась, и по сїе время не могу понять, какимъ образомъ могла она такъ искусно скрыть отъ меня свою горесть.

Я хотѣла дать ей почувствоваться всѣ слѣдствія ся решенія, и представила ей каменные спѣны, решетки,

все-

всегдашнее заключеніе, всегдашнюю за-
висимость, скучу, дурной нравъ нѣ-
которыхъ монахинь, и вѣчную нево-
лю. Она отвѣчала мнѣ, что для жен-
щины, которой уже самая благопри-
стойность предписываетъ уединенную
и птичую жизнь, надобно не много мѣ-
ста; что и въ этихъ спѣнахъ мо-
жешь она спокойно дышать, жить и
умереть; что онѣ не страшны дѣл-
шаго, кто не хочетъ изъ нихъ выйти,
и ни мало не желаетъ знать, что
за ними дѣлается; что съ разсуд-
комъ, кропоспю и смиреніемъ мож-
но ужиться со всѣми; что во вся-
комъ состоянїи должно отъ кого ни-
будь зависѣть, и для собственнаго
своего щастія повиноваться закону и
правиламъ; что всякой топъ свобод-
енъ, кто хочетъ только должна, а
что въ монастырѣ можно быть еще
свободнѣе, нежели въ свѣтѣ, гдѣ ча-
сто мы принуждены бываемъ хотѣть
недолжнаго.

Такіе отвѣты привели меня въ
вечальное удивленіе. Я сообщила ихъ

сестръ моей , которая хотя и огорчилась ими въ душѣ своей , однако же не преминула найти въ нихъ много основательности и благочестія .

Она поѣхала къ своей дочери , и съ любовью , но припомъ и съ нѣкоторымъ почтеніемъ къ ея званію , извѣтила ей ту горесть , которую причинитъ ей вѣчная разлука съ нею . Нѣтъ , отвѣчала Калиста , мы на вѣкъ не разстанемся . Впрочемъ мнѣ все было льзя было жить съ вами вмѣстѣ . Сверхъ того вѣсѣ могли бы многіе предметы меня разсѣять и зашмишь въ мысляхъ моихъ вашъ образъ ; напропивъ того вѣ моныстырѣ ничего не будешь занимать души моей , кроме Бога и васъ . Братъ мой , любезная супруга его и невинныхъ дѣти ихъ постараються упѣшишь васъ , и сдѣлаютъ конечно дѣти ваши щасливыми . А если бы Небо могло допустить , чтобы такое доброе сердце испыпало горести — тогда бы , милая машушка , тогда бы дочь раша попробовала отъ васъ предпо-

чтис-

Чтенил, и все мишуны свои замъ по-
святила. Пусть другое дѣлять съ
вами щастіе, а я буду дѣлить и об-
легчать ваши нечали — и тогда
вмѣстѣ изліемъ мы сердца свои передъ
высочайшимъ Ушѣшишлемъ.

Бѣдная сестра моя возвратилась
изъ монастыря вся въ слезахъ, одна-
ко жъ въ швердомъ увѣреніи, что доб-
родѣтельная дочь ея будемъ щасли-
ва въ избираемомъ ею сословіи. Я
сама спала покойнѣе, и начинала вѣ-
ришь, что Калиста слѣдуешьъ только
влеченію своей набожности. Между
тѣмъ время искуса прошло, и мы
уже готовились къ ея посприженію.

И такъ, любезная Калиста, сказа-
ла я наконецъ племяннице — и такъ
какъреніе твое твердо? Очень твер-
до, отвѣчала она — и въ первой
разъ увидѣла я мужество въ ея взо-
рахъ. Въ послѣдній разъ, сказала я,
въ послѣдній разъ говорю объ этомъ
съ тобою. Будемъ же искрены! Уже
ли ты безъ всякаго сожалѣнія отка-
зываешься отъ знамнаго своего рода,

отъ богатства и отъ всѣхъ лестныхъ надеждъ щастія? Презришельная усмѣшка была мнѣ отвѣтомъ. „Теперь скажи мнѣ, продолжала я, что можетъ быть священне и пріятнѣе должностей супруги и матери? Ничего, отвѣчала она со вздохомъ. — „И самому Богу можетъ ли быть чтонибудь пріятнѣе такой женщины, которая исполняетъ ихъ? „Ничего; я въ этомъ увѣрена. — „А топъ, кто чувствуетъ въ себѣ способность къ этому состоянію и отказывается отъ него, не есть ли преступникъ въ глазахъ Провидѣнія? „Правда; но не всякой чувствуетъ въ себѣ эту способность. Надобно имѣть особливые добродѣтели — — „Не увеличивай же ихъ, любезная Калиста! Скажи мнѣ, въ чемъ состоятъ они? Развѣ не въ нѣжности, не въ кромоспи, не въ любви къ порядку, и не въ мужествѣ исполнять всю священныя свои должности? „Конечно; по крайней мѣрѣ я всегда представляла себѣ такой образецъ. — „Скажи же мнѣ, че-

чего ты не имѣшь, или чего бы ты, будучи въ положеніи своей матери, со временемъ имѣть не могла?,, — Ахъ! машушка моя никогда не пипала въ душѣ своей чувства пропивнаго ся должности! — „Этова то слова я отъ тебя и дожидалась; оно мнѣ все сказали, и душа твоя наконецъ мнѣ открылась.,, — Чпожь я сказала? спросила Калиста съ ужасомъ. — „Ничего, еспѣли вздумаешь опять пришворяшься; но ты сказала все, еспѣли захочешь повѣришь тайну свою лучшему твоему другу. „ Говорите же, говорите! я могу только васъ слушать. — Тутъ залилась она слезами. Ты любишь, сказала я, любишь, и разумъ твой не одобряетъ склонности твоего сердца. — Нѣтъ, сударыня! (Отвѣчала она съ гордостью) я никогда не любила, и никогда не буду любить шого, кпо недостоинъ моего почтенія. Но, къ нещаспю, бываюпъ другія обстоятельства, съ которыми юное и слабое сердце не соображается въ сво-

емъ выборъ. — „Какія же обстоятельства прошивятся твоему выбору? „

— Я и такъ уже много сказала, тетушка. Не требуйте отъ меня дальнѣйшаго, бесполезнаго и мучительнаго признанія. Довольно вамъ знать и иного, что склонность моя — къ нещастію непреодолимая — никогда не будешь одобрена матушкою. Я въ этомъ увѣрена, и мнѣ оспаешься только навсегда погребсти ее въ своемъ сердцѣ. А топъ, кто неумыленно лишилъ меня спокойствія, оспанется тайною, только мнѣ и Богу извѣстною; и я была бы неутѣшима, еспѣли бы его наименовала.

— „И съ шакою любовью въ сердцѣ хочешь ты посвятить себя Небу и жить только для Него? „ — Конечно; и обѣта своего никогда не нарушу. Я была бы преступницею пропивъ человека, еспѣли бы, обѣщаюсь при олтарѣ любить его всѣмъ сердцемъ, въ то же самое время о другомъ помышляла; но передъ Богомъ я невинна. Мнѣ не льзл ни обмануть,

ни оскорбить Его. Между тварью и Творцемъ нѣтъ никакого совмѣстничества, и пошому самому не можетъ быть между ими и ревности. Всякой день буду я приносить Ему въ жертву самое драгоцѣнѣйшее; никакое сожалѣніе не помрачитъ чистоты моего дара; и если ли въ душѣ моей останется еще незольное чувство, то я освящу его самимъ тѣмъ, что пожертвую имъ Богу. Можешь быть, это послужитъ еще къ моему вѣчному щасію, что я, возносясь ко Всевышнему, могу показать Ему печальные оспашки цѣпи моей и знаки Его побѣды.

Между тѣмъ какъ она говорила послѣднія слова, лицо ея чудеснымъ образомъ оживлялось; глаза ея, устремленные къ небу, блестали радостю и слезами; съ сердечнымъ умиленіемъ видѣла я въ ней смѣшеніе двухъ чувствъ, изъ которыхъ одно побѣжало другое, и славилось своею побѣдою. Мы разспались, и я, искавъ въ мысляхъ своихъ

ихъ того человѣка, которой мѣгъ такъ сильнo пронупъ ся сердце, вдругъ вспомнила разговоръ нашъ о Виларѣ, которой вы уже слышали. Ахъ! эпо онъ, вѣрно онъ! сказала я сама себѣ. Бѣдная! теперь не удивляюсь твоему отчаянію. — Съ этой минуты я почувствовала самую нѣжнѣйшую дружбу къ Вилару; хотѣла его видѣть, и у всѣхъ обѣ немъ спрашивала: но мнѣ отвѣчали, что съ нѣкотораго времени его совсѣмъ не видно.

День приближался, и сестра моя сказала мнѣ, что она едавали рѣшился видѣть обрядъ посприженія. Ахъ! отвѣчала я: еспѣли бы вы знали одну испорїю, которую мнѣ рассказала недавно пріятельница моя, то сердце выше еще бы болѣе теперь спрадало. Чѣмъ такое? спросила она. — Одна молодая дѣвушка, въ жару ревнospной набожности, рѣшилась ити въ монахини; родители согласились, и бѣдную поспригли — но вдругъ, по совершении обряда, твердоствъ

досль ея поколебалась ; она пришла въ раскаяніе, и мучительная троска нача-ла терзать ее. Скоро узнали, чпо она влюблена ; отчайніе овладѣло серд-цемъ ея, и нещастная со дня на день увядаетъ. — „Да какимъ же образомъ могла она поспричься , пытая въ ду-шѣ своей эшу пагубную спрасить ? „ — Она любила одного молодаго , благороднаго человѣка , доброправнаго и припомъ довольно богатаго , но только страннаго въ обхожденіи и щеславнаго , за котораго родили ея и хощѣли ее выдать. — Какое жесто-ко сердце ! сказала сестра моя : могли ли они по справедливости отчая-ваться въ исправленіи молодаго человѣка ? Надобно признаться , что мы всѣ бываемъ несправедливы противъ молодыхъ людей , и часто самые не-большіе пороки ихъ почитаемъ за великия преступленія. Сама я презира-ла и , можно сказать , ненавидѣла од-ного молодаго человѣка , которой въ короткое время совершенно исправил-ся. Онъ былъ щеславенъ , надменъ

и вѣтренъ до крайности; а теперь, по увѣренію моего сына, такъ перемѣнился, что его совсѣмъ не лѣзя узнать, и спалъ въ словахъ и въ поступкахъ своихъ скроменъ, оспороженъ и благоразуменъ — однимъ словомъ, сдѣлался образцомъ молодыхъ людей — и въ обстоятельствахъ самыхъ запруднительныхъ показалъ столько твердости и мужества, что всѣ ему удивляются. — Вы конечно говорите о Господинѣ Виларѣ? спросила я. — Точно обѣ немъ, отвѣчила она. Ему очень хочется бысть опять вѣзжимъ въ мой домъ, и я сѣ великою радостью на то согласилась. Дай Боже, чтобы мнѣ былъ только случай загладить передъ нимъ вину свою!

Вообразите, какъ я была обрадована шакимъ лучемъ надежды! Мнѣ очень пріятно слышать отъ васъ (сказала я сеспрѣ моей, спарайась скрыть внушенное свое движение), что этотъ молодой человѣкъ исправился; онъ всегда былъ мнѣ любезенъ. Я это знаю
(опѣвъ)

(ожидала мнѣ сестра съ улыбкою), и для того прошу тебя пріѣхать завтра ко мнѣ для свиданія съ нимъ; а какъ мнѣ хочется, чтобы никто не мѣшалъ нашему разговору, то я вѣлю всѣмъ отказывать. — Судите, могла ли я на другой день не быть у сестры моей! Виларъ вошелъ къ намъ съ великою робоспію, и по лицу его примѣтно было, что онъ спыдился прошедшаго. Видѣ его спалъ еще благороднѣе и гораздо важнѣе; но спрашная блѣдность покрывала его щеки. Онъ не смѣлъ начать разговора; сестра моя должна была предупредить его.

Государь мой! (сказала она) я очень рада, что васъ вижу. Вы имѣши причину быть мною недовольны; и хотя общественное уваженіе щедро наградило васъ за мои предубѣжденія, однако жь мнѣ для собственного своего спокойствія должно освободить сердце мое отъ тѣхъ упрековъ, которые я сама себѣ дѣлаю, и которые вы по справедливости извѣстите.

можете. — Мне упрекать васъ! отвѣчалъ онъ. Нѣшь, сударыня! мнѣ должно васъ благодарить; потому что немилость ваша была для меня хотя самымъ чувствительнѣйшимъ, но зато и самымъ полезнѣйшимъ наставленіемъ. — Нѣжность, съ какою произнесъ онъ слова: *самымъ чувствительнѣйшимъ*, пронула меня до глубины сердца. Такъ, сударыня! продолжалъ онъ: естьли мечты суевеніи, которыя окружали меня въ свѣтѣ, и которыя безъ васъ могли бы еще долго обольщать меня, наконецъ вдругъ разсѣялись: то я обязанъ пѣмъ вашей спрогости. Съ ничтожными похвалами, которыя были для меня нѣкогда лестны, сравнилъ я ваше мнѣніе, и почувствовалъ, что человѣкъ, неперпимой въ вашемъ обществѣ затонъ и за поступки свои, не можетъ уважать себя. Я краснѣлъ самъ предъ собою — и съ того времени перемѣнился. — Вы очень перемѣнились, сказала сестра моя, и мнѣ пріятно слышать, что я споспѣши-
ство-

спровада этой перемѣнѣ, которая со временемъ конечно бы и безъ меня сдѣлалась. Но и вы не слишкомъ ли пропивъ себя строги, такъ какъ я пропивъ васъ была? Говоряшъ, что вы много трудитесь и занимаетесь дѣлами; и мнѣ кажется, что здоровье ваше отъ этого пострадало. — „Такъ, сударыня, оно въ худомъ состояніи, и я не надѣюсь, чтобы его можно было и поправить; однако жь напрасно приписывають эту перемѣну излишнему труду. Я знаю болѣзнь свою, и знаю, что на нее нѣтъ лекарства. „Нѣтъ лекарства! въ ваши лѣща! сказала сестра моя съ сердечнымъ соучастствованіемъ. — „Въ мои лѣща, сударыня, бывающѣ люди подвержены жестокимъ припадкамъ, продолжительнымъ и неисцѣлимымъ. „Сестра моя перемѣнила матерію разговора, чтобы не занимать его печальными мыслями; когда же онъ уѣхалъ, то она сказала мнѣ: эта отъ молодой человѣкѣ вѣрно влюбленъ. И мнѣ такъ кажется, отвѣчала я.

Можетъ быть, что онъ любитъ са-
муюшу дѣвушку, которой испорю-
вы отъ меня слышали. — „Виларъ! —
перервала сестра моя съ великимъ дви-
женіемъ: кто же эта нещастная?,, —
Моя племянница, а ваша дочь. —
„Боже мой! что ты говоришь! и они
тишили отъ меня любовь свою?,, Отъ
васъ и отъ самихъ себя, примолвила
я: они думали умереть съ своею пай-
ною, и мнѣ извѣспна она по одной
догадкѣ. — Надобно все узнать, сказала
сестра моя: поѣзжай къ моей дочери,
постарайся вывѣдать ея чувства, и
скажи Игуменъ, что посприженіе
опложено. Между тѣмъ я завтра по-
зову къ себѣ Вилара ужинать, и ко-
нечно отъ него самого узнаю, что
происходитъ въ его сердцѣ.

Виларъ, желавшій найти ее одну,
пріѣхалъ рано, и разговоръ начался
безъ всякихъ околичностей. Государь
мой! сказала ему сестра моя: вы дали
мнѣ чувствовать, что у васъ есть
коресть; искреннее почтеніе, кошо-
рое къ вамъ имѣю, заставляетъ меня
спро-

спросить у васъ, какого рода нечестия ваша, ешьли не для того, чтобы подать вамъ полезной совѣтъ, то хотя для того, чтобы предложиши вамъ утѣшенья дружбы, дружбы, котою хочу теперь загладить вину свою передъ вами. — Ахъ, сударыня! отвѣчалъ молодой человѣкъ: вы кажется предчувствуете, что я долженъ открыть вамъ мою душу, и милосердію своею вселяете въ меня довѣрію. Теперь все узнаете.

Въ то самое время, когда вѣрность и безразсудность моя дѣлали меня презрительнымъ въ глазахъ вашихъ, я обольщалъ себя въ домѣ вашемъ восхищательнѣйшими мечтами надежды и любви, и радовался той страсти, которая въ сердцѣ моемъ раждалась, и которая сдѣлалась по томъ мою гибелью. Скоро исчезло очарованіе — и тогда-то почувствовалъ я всю силу моей привязанности къ такому предмету, котораго я лишился, и лишился на вѣки. Пріятель мой увѣдомилъ меня, что сестра его,

произвольно и по своей склонности
удалась въ монастырь, къ великому
сожалѣнію своего семейства рѣшилась
поспричиться. Я узналъ, что два го-
да искуса еще болѣе упвердили ея
рѣшеніе. Наконецъ извѣстно мнѣ и
то, что черезъ нѣсколько дней дол-
женъ совершился печальной обрядъ.
Я не думаю ни опвлечь ее отъ олпа-
ря, ни просить вашей помощи, копо-
рая конечно будетъ мнѣ бесполезна.
Не хочу я и въ свѣтѣ играть рома-
ническихъ сценъ; не хочу показывать
себя печальнымъ и отчаяннымъ любов-
никомъ — довольно обо мнѣ говори-
ли — и теперь оспается мнѣ толь-
ко въ пишинѣ окончать жизнь свою.
Самой другъ мой, вашъ сынъ, ви-
дѣшъ мою горесть, и не знаетъ ея
причины; но ваше сердце, милоспи-
вая государыня, есть для меня свя-
шилище — вы такъ близки къ при-
чинѣ моей душевной скорби, что я,
увѣрясь въ вашемъ на то созволеніи,
не могъ отъ васъ скрываться. Сверхъ
того, признаюсь, упѣшильно бу-
демъ

деть для меня говорить съ вами о такомъ предметѣ, которой намъ обоимъ сполько любезенъ. Хотя я никогда уже не увижу вашей милой дочери, но любишь ее не перестану до самой смерти.

Если бы причина вашей горести была мнѣ и совсѣмъ посторонняя, сказала ему сестра моя, то и тогда бы взяла я въ ней искреннее участіе, потому что добродѣтельная любовь прогаевъ всякое чувствительное сердце; и тогда бы, заслуживъ вашу довѣренность, почла я за должностъ облегчить ваше спраданіе, если бы и ничего болѣе не могла сдѣлать. Но когда невинная причина вашего несчастія **если** дочь моя, то къ чему же не обязана я въ **такомъ** случаѣ? То, чего я для самой себя не сдѣлала — хотя дочь моя, теряя мною, была мнѣ очень мила — то сдѣлаю для васъ, государь мой! Будьте въ этомъ увѣрены. Не употребляя во зло материнской власти, прибѣгну я ко всѣмъ возможнымъ

прозъбамъ и убѣжденіямъ, чтобы воз-
вратить ее къ себѣ въ домъ. Тогда,
еспѣли она почувствуетъ дѣну вашего
сердца, дочь моя буде путь ваша... Она не
успѣла окончить своей рѣчи: чувстви-
тельной молодой человѣкѣ былъ уже
передъ нею на колѣняхъ.

Я не умѣю описывать прогатель-
ныхъ сценъ, продолжала Маркиза де
Соланжъ: сверхъ того всякому легко
вообразить себѣ, что можетъ ска-
зать умирающій человѣкъ, оживляемой
дѣлебнымъ сокомъ, или несчастной пла-
ватель, которой ушопаетъ въ вол-
нахъ, и копораго вдругъ изъ воды
извлекаютъ.

Между тѣмъ я увидалась съ пле-
ниницею, и говоря съ нею о матери-
ся, какъ будто бы безъ умыслу раз-
сказала ей, какъ она помирилась съ
Вилларомъ. Калиспа, слушая меня,
краснѣла, однако жъ въ ней не при-
мѣшило было никакого сильнаго движе-
нія. Когда же я повторяла ей Вила-
ровы слова: *бываютъ мутнѣльные*
при-

нрипадки, продолжительные и неиз-
лечимые, то она не могла утерпѣть,
чтобы не примолвишь со вздохомъ:
отечь, отечь мучительные и совсѣмъ
неизлечимые!

Мы думаемъ, сказала я, что
этотъ молодой человѣкъ въ кого ни-
будь влюбленъ. Можетъ быть, отвѣ-
чала она — и въ такомъ случаѣ я
объ немъ сожалѣю, потому что онъ
не имѣешь моего упѣшенія. — „А
еспѣли та, въ которую онъ влюбленъ,
также и его любитъ? Еспѣли они
единственno отъ того мучатся, что
не знаютъ своего щастія? „ —
Ахъ, пѣтушка! сказала она на
что хотише вы возмутить мое
спокойствіе такими опасными мы-
слями? Вы вѣрно думаете, что тай-
на моя вамъ извѣсна; но знаете ли
вы и его тайну? Еспѣли Виларъ въ
самомъ дѣлѣ влюбленъ, то кто вамъ
сказалъ, что онъ влюбленъ въ меня?
А еспѣли нѣтъ, то вы можете сде-
лать мнѣ великое зло. — Но еспѣли
онъ подлинно въ тебя влюбленъ? спро-

сила я , успремивъ на нее глаза. Она бросилась ко мнѣ въ объятия, и я почувствовала слезы на ея груди моей. И такъ онъ вѣрно тѣбя любитъ, и самъ открылся въ томъ твоей матери, — сказала я. Чѣмъ же отвѣчала ему матушка? спросила она дрожащимъ голосомъ. — „ То , чѣмъ ты можешь быть его супругою, еспѣли хочешь. „ „ Какъ! мнѣ оставишь вдругъ свое намѣреніе , оставишь для замужства ? Чѣмъ скажутъ обо мнѣ въ свѣтѣ ? — „ То , чѣмъ дочь повинуется матери. Не сказала ли ты , чѣмъ судьба твоя зависитъ отъ ея воли ? „ — Правда. — „ И такъ мать твоя прикажетъ , и ты будешь повиноваться. „ — Она снова обняла меня ; сердце ея сильно билось , и мнѣ казалось , чѣмъ все тѣ вздохи , которые она два года удерживала , вылетѣли тогда вдругъ изъ ея груди. Оставя ее , поѣхала я къ сестрѣ.

Догадка моя была справедлива , сказала я : Калиста сама призналась мнѣ въ любви своей къ Вилару. Но

она

Она хочетъ только изъ послушанія
къ вамъ перемѣнить свое имѣреніе;
надобно, чтобы вы ей приказали. Я
приказываю, опѣчала сестра моя:
поѣзжай и теперь же привези ее ко
мнѣ. Часы гореспи бывающіе длины,
и я хочу избавить любезнаго Вилара
по крайней мѣрѣ отъ посѣки нынѣшней
ночи.

Она послала за нимъ, и мало по
малу утверждая его въ леспной наде-
ждѣ, спаралась ослабить то движеніе,
кошорое могла бы произвести въ немъ
внезапная радость. Сестра моя благо-
разумно поступила, потому что онъ
вѣрно бы не перенесъ ее.

Я скоро прїхала съ Калистою.
Вотъ она, сказала сестра моя, уви-
дѣвъ насъ: дочь моя повинуетсѧ моей
волѣ, и припомъ безъ всякаго прину-
жденія; со временемъ скажетъ она
вамъ и болѣе. Я не хочу лишить ее
этова удовольствія.

Тогда увидѣли мы, какъ нужна
была предоспорожность, взята моею
сестрою; хотя Виларъ уже приготов-

ленъ былъ къ своему щаспю, одножъ колѣни его подогнулись, и онъ упалъ бы на землю, есъли бы я его не поддержала. Калиста въ объятіяхъ своей мачери не видала ничего, кроме ее, и плакала отъ любви и радости. Наконедѣ все успокоилось; и когда они сѣли за сполъ — она подлѣ своей мачери, а онъ подлѣ меня — не смѣя смотрѣть другъ на друга и будучи приведены въ замѣшательство нечаянною связкою судьбы своей... сказашъ ли вамъ странность? Не умалля ни мачеринской любви, ни спраспи любовниковъ, я думаю, что въ эшу минуту изъ насъ четырехъ была я всѣхъ щастливѣе, воображая, что щаспю ихъ отъ меня происходилъ.

Мармонтель.

X.

КОРАВЛЕКРУШЕНИЕ ВЪ ЮЖНОМЪ
МОРѢ,

ВЪ 1790 году.

Отрывокъ изъ четвертой книги Британскихъ Пѣтописей, сотинягемыхъ Гм. Архенгольцомъ.

Бушани-Бейская Колонія умножила непеченья Правительства, не оправдывая ни мало ожиданіямъ онаго. Въ Іюль 1789 года пошли туда опять три корабля, преступниками нагруженны. На одномъ изъ оныхъ, называемомъ the Scarborough, было 250 злѣвъ, изъ которыхъ половину судьи къ смерти приговорили. За нѣсколько мѣсяцовъ передъ тѣмъ отправили туда другой транспортъ съ двумя кораблями, въ провожаніи одного военнаго (the Guardian), командуемаго Поручикомъ Раємъ. На немъ было 96 человѣкъ. Грузъ корабля сего состоялъ въ живомъ всякаго рода скотѣ, между которыми было 58 коровъ и шесть лошадей; также въ распѣняхъ, въ разномъ запасѣ и въ без-

численныхъ потребностяхъ для пищи, одежды и жилища нещастныхъ изгнанниковъ. Не счиная частной собственности, одно принадлежащее казнь споило 70,000 фунтовъ сперлинговъ. Сверхъ того были тутъ пожитки многихъ Офицеровъ, отправившихся на другихъ корабляхъ, и разные подарки, посланные бѣднымъ Колонистамъ отъ частныхъ благотельными людьми, отъ частныхъ родственниками и друзьями. Корабельная палуба уподоблялась саду; распѣнія цвѣли, и скотъ былъ такъ здоровъ, какъ дома. Благо и бѣдствіе, и даже самое бытіе многихъ тысячъ людей зависѣло отъ щастливаго прибытия сего корабля, на которомъ изъ ложной экономіи отправили вмѣстѣ всѣ сокровища, вмѣсто того, чтобы раскласить ихъ на разные корабли. Но самое Небо, казалось, предало проклятію сю Колонію, и корабль погибъ: ужасная потеря, которую старые и малые, невольники и свободные, главной начальникъ и окованной злодѣй въ Бопани-Бей-

чувствовали. Скорбушъ началъ свидѣствовашъ во всемъ селеніи; и нужда въ самыхъ необходимыхъ потребностяхъ была такъ велика, что даже и соленаго мяса почти ничего не оставалось.

Обстоятельства сего кораблекрушения были ужасны и безпримѣрны. Корабль двадцать второго Сентября 1789 года, въ десятой день по ополыши своемъ отъ мыса Доброй Надежды, находился на океанѣ подъ 44 градусомъ южной широты и 42 градусомъ восточной долготы. Въ сѣе время увидѣли Англичане, послѣ густаго шумана, великия ледяные острова, между которыми плыли они до 24 числа. Тутъ со всѣхъ сторонъ окружили ихъ ледяныя горы, скалы и небозримыя проспранства льду. Сѣщеніе, въ такомъ отдаленіи отъ земли, было чрезвычайнымъ феноменомъ. Всякую минуту опасность увеличивалась; всякую минуту сїи ледяныя громады грозили раздавить корабль, и наконецъ, къ величайшему ужасу, густой

стой туманъ снова покрылъ море. Погибель казалась неизбѣжною , и несчастные плаватели доведены были до такой крайности , что они лучше желали направить свой корабль на оспрую скалу , нежели погибнуть среди ледяныхъ полей. Въ то самое время , когда Рай говорилъ съ Офицерами о семъ ужасномъ своемъ положеніи , раздался спрашной вопль , сигналъ близкой погибели. Плавущая ледяная гора , которая была гораздо выше большой мачты , приблизилась къ кораблю. Рай не потерялъ присутствія духа , и закричалъ своимъ неподвижно споявшимъ матрозамъ , чтобы корабль повернилъ въ другую спорону. Такимъ образомъ удалились они отъ сей горы ; но скоро корабль ударился объ другую подводную ледяную громаду , и упалъ на бокъ. Прежде нежели посредствомъ парусовъ могли поднять его , онъ долго терся по льду , пока переливающаяся волны не унесли его съ собою ; но по томъ опять упалъ онъ на ледяную массу , и съ такою силою ,

что руль отшибся, и при нижней доски вонъ выскочили. Тутъ съ минуты на минуту ожидали разрушенія корабля.

Между тѣмъ отъ со всѣхъ сторонъ сжатъ былъ льдомъ, а вершина ледяной горы грозила сверху раздавить его. Но непобѣдимое мужество и благоразуміе начальника дѣйствовало на другихъ Офицеровъ, и вселило наконецъ въ самыхъ матросовъ нѣкоторую надежду; ибо отчаяніе такъ было - овладѣло ими, что нѣсколько времени никто не хотѣлъ работать. Только черезъ убѣдительнѣйшія представленія и черезъ употребленіе власти, которую Рай и въ сей крайности далъ чувствовать своимъ подчиненнымъ, принудилъ онъ ихъ взяться за дѣло. Тогда всѣ начали трудиться съ величайшимъ напряженіемъ силъ. Парусы съ нижнихъ мачтъ сняли и подняли напереди; отъ чего корабль пришелъ въ такое положеніе, что въпервые могъ дуть на него и двигать его по льду, а наконецъ и совсѣмъ вы-

несли изъ ледяныхъ горъ. Руля уже не было, и только посредствомъ однихъ парусовъ можно было править кораблемъ. Туманъ все еще висѣлъ надъ моремъ, которое между тѣмъ начало волноваться. Вѣтеръ сильно надувалъ парусы, и въ короткое время плаватели поперяли изъ виду ледъ. Надежда ихъ оживилась; но сїе упышельное состояніе продолжалось не болѣе получаса.

Все описанное нами происходило иоупру. Въ восемь часовъ корабельной плопникъ, осмотрѣвъ внутренность корабля, принесъ спрашное извѣстїе, что внизу уже на два фута воды, и что сїя вода безпрестанно прибываешъ. Всѣ бросились къ насосамъ, и Офицеры вмѣстѣ съ матрозами работали до исощенїя силъ своихъ. Палубу очистили, и многое, чпо лежало внизу, вынесли на бордъ. Не смотря на то, вода все еще умножалась, и въ девять часовъ было ее въ корабль уже на три фута съ половиною. Тутъ начали бросать въ море

море все то, безъ чего только обойтись было можно: сперва запасные якори и споявшія на палубѣ пушки, пошомъ весь скотъ, приготовленной для него кормъ, бочки съ запасомъ для Колоніи и всѣ мѣшки съ мукою и съ поваренными травами, купленными на мысѣ Доброй Надежды. Въ половинѣ десятаго часа порвалась цѣпь у одного насоса, и другой также поврежденъ былъ. Тогда, съ удвоенiemъ силъ, спали опоражнивать корабль; сундуки, ящики и пакеты, которые принадлежали Колонистамъ, и копорые, какъ собственность частныхъ людей, до шого времени все еще хранились, были брошены въ воду, вмѣшъ съ хлѣбомъ и съ оспальными, внизу бывшими пушками, коихъ не льзя было безъ великаго труда вынести на бордъ. Но вода все еще прибывала, и въ десять часовъ поднялась на пять футовъ. Наконецъ удалось матрозамъ починить насосы.

Однако жъ за всѣмъ тѣмъ не оспавалось, по видимому, другаго спа-

сеніл, какъ покинуть корабль. ВЪ слѣдующій день рѣшились на сїе многїе изъ матрозовъ и Офицеровъ, однако жь по предложенію самого Рая. Онъ созвалъ всѣхъ ихъ, и сказалъ имъ, что должностъ не позволяетъ ему сойти съ корабля, но что другіе не имѣютъ сей обязанности, и по тому могутъ, если хотятъ, сѣсть на бопы и спасти жизнь свою, и что онъ, для оправданія ихъ поступка, дастъ имъ похвальное свидѣтельство. Послѣ сего спустили на воду большой бопъ и двѣ маленькия лодки, которыя скоро наполнились нещастными Англичанами, повѣрлюющими себя океану въ такихъ слабыхъ челночкахъ. Главной кормчї Клеменпсъ, съ нѣкоморыми другими Офицерами и съ избранными матрозами, числомъ до пятнадцати человѣкъ, сѣли на большой бопъ, и взяли съ собою компасъ, парусы и нѣкоторое количество сѣющихъ припасовъ. Тѣ, которые рѣшились плыть на маленькихъ бопикахъ, также все сїе взяли съ собою.

бою. Но Поручикъ Рай, пимомецъ великаго Кука, никакъ не согласился оставить ввѣренной ему корабль и нѣщастныхъ своихъ шоварищъ. Въ послѣдній разъ обнялъ онъ опѣзжающихъ и вручилъ имъ письмо къ Адмиралтейству, которое въ сей ужасной часъ было имъ написано съ удивительнымъ спокойствиемъ, и адресовано на имя Секретаря Адмиралтейства, Г. Стефенса. Вотъ содержаніе его :

„ Сиръ !

„ Еспѣли спасутся иѣкоторые изъ Офицеровъ или матрозовъ корабля Гвардiana, и возвратятся благополучно въ свое отечество, то я объявляю вамъ, что они въ нѣщастїи нашемъ исполнили свою должность наилучшимъ образомъ, какъ подчиненные и какъ друзья мои. Что принадлежитъ собственно до меня, то по всей вѣроятности оспаепск мнѣ не долго жить въ семъ мѣрѣ; по чemu осмѣливаюсь поручить благосклонности вашей се-

„ спру и машь мою , и прошу Пра-
„ вительство облегчить ихъ долю ,
„ еспѣли служба моя доспойна какого
„ нибудь награжденїя . Имѣю честь
„ быть , и проч . „

По томъ они разспались . Клементсъ поплылъ къ острому Принца Эдуарда ; а одинъ изъ малыхъ ботовъ , которой плылъ за нимъ же , скоро былъ поглощенъ волнами ; другой скрылся у нихъ изъ виду . Между тѣмъ находившіеся въ большомъ ботѣ продолжали свой путь , и черезъ тридцать часовъ въ первой разъ пообѣдали ; у нихъ былъ одинъ гусь , кото-
раго они сварили и раздѣлили на пятнадцать равныхъ частей . Недоспавшокъ въ водѣ ужасалъ ихъ всего болѣе . Кровь ихъ была разгорячена , и все они мучились жаждою , которой утолить было не чѣмъ , потому что каждому давали въ день только по мальчику стакану воды . Пошелъ дождь , и жадные плававши хватали его ртомъ ; но сїя помощь была очень слаба . Хлѣбъ и рожь также дѣлили

на равные доли, хотя и не съ такою бережливостію, какъ воду. Масла, сыру, ветчины и соленої рыбы было у нихъ очень много; но почти никто за нихъ не принимался, боясь увеличить пѣмъ свою жажду. Нѣкоторые пили морскую воду, другіе свою урину.

ВЪ послѣдній день года, что есть з 1 Декабря, отчаяніе сдѣлалось почти всеобщимъ, и нѣкоторые матрозы перестали - было слушаться своихъ начальниковъ; но рѣшимость одного Офицера, Г. Сомервилля (которой наказывалъ ихъ такъ спрого, какъ будто бы они были въ гавани) обратила ихъ къ повиновенію. ВЪ ночи на первое Генваря поднялась ужасная буря съ грозою; море спрашно волновалось, и всякую минуту грозило поглотить со всѣхъ споронъ открышой бопъ. И буря и гроза продолжались. Силы плавателей были истощены, и всѣ они приготовились уже къ смерти, какъ вдругъ, къ неописанной ихъ радости, увидѣли Французской ко-

рабль, на которомъ изъ Иль-де-Франса возвращались въ Европу солдаты, и которой плылъ къ мысу Доброї Надежды, чтобы тамъ запаситься водою и провіантомъ. Французы обошлись съ Англичанами какъ братъ съ братцами; принялъ ихъ на корабль свой, и самые Офицеры уступили поспели свои ослабѣвшимъ Британцамъ. Сѣ великолѣдие должно быть незабвенно, незавсемъ ко славѣ человѣчества! — 19 Генваря приплыли они благополучно къ мысу.

Судьба наградила геройство Раево. Четыре дни плавалъ онъ на худомъ кораблѣ своемъ вокругъ ледяныхъ горъ, въ которое время удалось ему выдѣлить вошедшую въ корабль воду. Въ семъ положеніи совсѣмъ нечаянно встрѣтился онъ съ Голландскимъ, изъ Башави идущимъ почтовымъ кораблемъ, которой подалъ ему всевозможную помощь, и съ которымъ онъ имѣствъ — къ удивленію всѣхъ мореплавателей, не могшихъ понять, какъ

сих почти совсѣмъ разрушенія масса могла еще держаться, и быть прави-на шакомъ бурномъ элеменѣ — благополучно доплылъ до мыса Доброй Надежды.

XI.

МОСКОВСКОЙ ТЕАТРЪ.

*Граурѣ, Комедія въ одномъ дѣй-
ствіи, переселенная съ французскаго
языка.* — Молодой вѣтреной Ти-
манпъ, сынъ Прибылкина, богаты-
го человѣка, имѣя нужду въ деньгахъ,
и зная, что отцу его долженъ одинъ
купецъ, живущій въ другомъ городѣ,
прѣѣзжаетъ къ сему послѣднему въ
печальному платьѣ, — объявляєтъ
ему, что дражайшій его родитель
скончался, — и прѣбуетъ съ него
той суммы денегъ, которою онъ дол-
женъ покойнику. Купецъ, поплакавъ
о своемъ благодѣтелѣ и выпросивъ у
Тиманпа, чтобы онъ изъ милости
успушилъ ему хотя одинъ процентъ,
отдастъ деньги. — Тиманпъ ухо-
дитъ, и въ ту же минуту является

И 4

ошецъ

отецъ его. Купецъ, думая, что онъ пришелъ къ нему съ того свѣта, едва не лишаеся жизни отъ спраха. Спарики Прибылкинъ увѣряетъ его наконецъ, что онъ не бывалъ еще въ царствѣ мершвыхъ; и въ то самое время, когда открывается обманъ, приходитъ Таманть, бросается на колѣни передъ своимъ отцомъ, признается въ своей винѣ, и сверхъ того объясняетъ ему, что онъ пайно женатъ на дочери обманутаго имъ купца. Добродушной спарикѣ прощаетъ сына, и признаетъ жену его своею снохою. — Сія маленькая пїеса изрядно приняла Публикою. Г Померанцевъ (играющій ролью купца) отдавая деньги Тиманшу, прекрасно произноситъ: *не льзя ли, государь, уступить еще процента?* Игра Госпожи Полянской, представляющей служанку, достойна похвалы. Надобно отдать справедливость сей Актрисѣ, и сказать, что она вообще играетъ свои роли очень хорошо.

XII.

О РУСКИХЪ КНИГАХЪ.

Палефата Гретескаго Писателя
о невѣроятныхъ сказаніяхъ, предло-
жилъ и примѣтками своими изб-
ралъ Федоръ Гуманскій, Надвор-
ный Советникъ при Комиссии о На-
родныхъ вѣдѣ Государствѣ Утилишахъ,
Государственнаго Заемнаго Банка Ди-
ректоръ, Санктпетербургскихъ При-
каза Общественнаго Призрѣнія и Вер-
хнаго Земскаго Суда Засѣдатель,
Дворянства уѣзда Санктпетербург-
скаго при сотиненіи родословной книги
Депутатъ, Санктпетербургской Им-
ператорской Академіи Наукъ Кор-
респондентъ, Королевскаго Прусскаго
Нѣмецкаго и Вольнаго Россійскаго
при Московскому Императорскому
Университету . . . Сленъ. — — Въ
Санктпетербургѣ, иждивенiemъ І. К.
Шнора, 1791 года. (*)

И 5

Г.

(*) Сія рецензія прислана къ Издашлю Мо-
сковскаго Журнала отъ одного изъ сего зна-
комыхъ. — К.

Г. Переводчикъ извѣстенъ уже Россійской Публикѣ по сочиненію имъ описанію Санктпетербургской Губерніи, а особливо по Исторіи Петра Великаго. Что онъ есть человѣкъ ученой, въ томъ сомнѣваться не льзя. Палефапъ, переведенный имъ съ Еллино-Греческаго, служишъ новымъ тому доказательствомъ. Но еще болѣе показываетъ то предувѣдомленіе, гдѣ онъ говоритъ: *Доколѣ любовь ко избѣжному существовать будетъ, до толѣ будемъ знать и читать сии* (Греческія) басни. — На другой страницѣ: *Еще сѣ большими сожалѣніемъ снималъ я многоразличному сужденію о сихъ первоначальныхъ пересодахъ* (о Гомеровой Иліадѣ Г. Коспрова и Вирgilіевой Энеидѣ Г. Петрова); *едва знающіе опредѣленіе ученаго теловѣка, но сѣ числѣ таковыхъ, или почастливому соитїю обстоятельствъ, или по пристрастію къnimъ приверженныхъ, слышущіе вѣ бесѣдѣ, всего менѣе о понятїи наукъ старающейся,*

смлтся имѣть голосъ суды и т. д.;
но изъ сихъ бѣдныхъ судей ни Го-
мира, ни Виргилія ни одинъ не токмо
разумѣть, но ниже читать не съ си-
лахъ. Для сего, т. е. чтобы умѣть
читать, продолжаетъ онъ, надобно
знать дрессию *Исторію*, *Миѳологію*
и сказки. — — Уже сїя небольшая кни-
жича (Палефатовы сказанія) подастъ
много средства къ лучшему разумѣ-
нію Гомира и Виргилія. — Я сказа-
лъ Палефатовы изблснилъ примѣта-
ніями, чтобы читатель лучше могъ
имѣть понятіе. — Кто хотѣтъ слышать
утены мѣ, тотъ долженъ терпать изъ
самыхъ источниковъ, изъ каковыхъ
одинъ я предлагаю. — —

Невѣроѧтныя сказанія, расположе-
вавшыя Палефатомъ, извѣстны во
всѣхъ почти Университетахъ, Гим-
назіяхъ и проч. и проч. Выписки изъ
него находятся во многихъ Гречес-
кихъ для учениковъ Христоматіяхъ;
жѣ хотѣя слогъ его грубъ и кратокъ,

но за то языкъ исправенъ. Впрочемъ изъясня и въкоторыя басни Древности, и держась при томъ по большой части исторического смысла, онъ часто выводилъ самъ нелѣпья басни; попому что, не смотря на свои разспросы въ путешесствіяхъ, часто не находилъ помянутаго смысла. —

Въ примѣръ хорошихъ Палефатовыхъ полкованій мы приведемъ кратко главу III. о Актеонѣ.

„Сказываютъ, что Актеонъ розорванъ собственными собаками; но сїе несправедливо. — — Стихотворцы сложили эту баснь только для того, чтобы показать смертнымъ, сколь опасно раздражать боговъ (ибо Актеонъ превращенъ Дианою въ оленя за свое, по словамъ однихъ, любопытство; а по словамъ другихъ, за хвастовство свое). Истинное жь происшествіе было слѣдующее. Актеонъ любилъ псовую охоту, и мало заботился о домоводствѣ; — — а по сему

есму — весьма обѣднялъ, и тогда
его знакомые, изъявляя обѣ немъ со-
жалѣніе, говорили: бѣдный Актеонѣ !
тебя сѣли собственныя собаки !,,

Г. Переводчикъ и Асторѣ при-
совокупляютъ, что изъ сей басни
следуетъ прекрасное нравоученіе, а
именно: 1) лъстцы подобны собакамъ,
и готовы первые пожрать своего го-
сподина; 2) любопытство не у мѣ-
ста не остается безъ наказанія; 3) не
дерзай возноситься своими дарованія-
ми, колъми пате поносить свойство
Владыкѣ; 4) берегись коснуться при-
надлежащаго Царя.

Но не всѣ замѣчанія Г. Перевод-
чика такъ достаточны. На стран. 107
напр. для чего бы въ дополненіе ко
мнѣнію Плинія, что гіена умѣетъ по-
дражать теловѣтскому голосу, не
прибавить, что Бюффонъ и другие
Новѣйшие полагаютъ то въ число су-
щихъ въ здоровъ, дабы учащіеся въ шко-
лахъ, къ которымъ употребленію по-

видимому переведены Палефатовы, исполнованія, не сочли того за дѣйствительную правду? —

Мы сомнѣваемся также и въ справедливости сего замѣчанія, чтобы Аріадна (спр. 11) по любви ко брату (Минотавру) высвободила его изъ лавиринта посредствомъ клубка, привязавъ онъ къ дверямъ и шествуя по циткѣ. — Кажется, что Аріадна дала клубокъ Тезею, а не Минотавру.

Не совсѣмъ справедливо кажется намъ и то замѣчаніе (спр. 73), гдѣ Г. Переводчикъ, довольствуясь слабымъ толкованіемъ Палефатовымъ о Горгонахъ, говоритъ, что будто бы лучше онаго и не было, да уже и ждать нѣтъ отъ кого; ибо *что нынѣшие ни на горячтѣ*, все то будутъ догадки. Въ примѣчаніи на спр. 41 онъ же говоритъ, что Палефатъ *вымыслилъ иногда небывальщину, на повѣстованиихъ бытописателей неоснованную*. Для чего жъ бы догадки Древнихъ пред-

предпочищать догадкамъ Новѣйшихъ, пѣмъ болѣе, что Г. Переводчикъ во многихъ мѣстахъ отдаетъ справедливость симъ послѣднимъ, а особенно на спран. 89й? Мы по крайней мѣрѣ можемъ рекомендовать при семъ отличное сочиненія Новѣйшихъ, Англійскую Мифологію, въ четырехъ томахъ въ Лондонѣ вышедшую, и Морицово *Богахъ ученіе* на Нѣмецкомъ языке.

Замѣчаніе на спран. 76й, гдѣ Г. Переводчикъ толкуетъ Дананию заключеніе въ крѣпкую башню, отмѣнно передѣ прочими достойно вниманія Чишателей. Вотъ оно: *Ну! геловѣкамъ и въ самомъ дѣлѣ пробраться было трудно, но божкамъ кто препятствуетъ?* Волокита Юпитеръ, онъ же и божокъ, прошелъ сквозь потолокъ золотымъ дождемъ — ай деньги! не божеской ли вы крови? — и прочее въ томъ же тона; а въ концѣ сказано: *Стобъ красоты всѣхъ приложений сего Перселя и матери его Данай густееватъ, надобно симъ Гораций,*

Фели-

Овидія, Павзанія, Плутарха, Эвсея,
и какъ они называются, съ эти боль-
шия головы.

За нужное почипаемъ мы при-
вести здѣсь и слѣдующее замѣчаніе ,
спр. 77, гдѣ о Горгониныхъ волосахъ,
преворявшихъ въ камень, говоришъ
Г. Переводчикъ: *Первый сю приба-
умотку выкинулъ Пиндарѣ, а послѣ
него и многіе. Только бы новинка, да
не отягощающа разума и ласкающа
страстіа, то и толпа подражателей.* —

Пожелавъ отъ всего сердца по-
дражателей Г. Переводчику, копорымъ
напередъ рекомендуемъ еще на спр.
99й повѣствованіе объ Іой, — какимъ
образомъ Юпитеръ вновь пустивши
на охоту, сю бѣдную мутеницу пре-
вратилъ въ телицу, боясь яростной
богини, бѣшеной жены своей — мы
приведемъ еще новѣйшее изобрѣтеніе
Г. Переводчика , гдѣ онъ, полкуя ба-
сню о Пандорѣ, спр. 83 , говоришъ:
Я думаю — и сїе будетъ новое —

что въ сей басни подразумѣвали сбоярище всѣхъ золъ и бѣдствій, и какъ обыкновенно самой большой гастионыхъ бывають виновницы женщины, то божеству или истотнику золъ дали ихъ образъ. — —

Дабы не отяготить вниманія нашихъ Чипашелей, мы поскорѣе заключимъ свои замѣчанія на замѣчанія Г. Переводчика, составляющія большую часть книги, и приступимъ къ его переводу.

Сей переводъ, въ сравненіи со многими другими, конечно хорошъ; однако жъ онъ и не совсѣмъ чистъ. Сверхъ многихъ Славянскихъ словъ, не кспати употребленныхъ, на пр. *дондѣже, весь, якобы онъ могъ сидѣть, и проч.*; сверхъ неприличной смѣси Славянского съ Рускимъ, на пр. спр. 5: *уста и глотка созѣши на обѣженыхъ лошадей*, и спр. 9: *не могъ рѣшившися на убиеніе отротами*; наконецъ сверхъ грамматическихъ мѣлочей, на пр. *Грекеского, никакого*,

бѣлого, укушнна будути, все соединено — къ басни, въ роскошь, — замѣтили мы еще большія странности.

Кто на прим. не назоветъ страннымъ того, что Г. Переводчикъ въ примѣчанїи (стр. 10) говоритъ: „Венера вдохнула Пазифѣ любовь къ нѣякому чрезвычайной величины быку; „что онъ вездѣ употребляєшъ *три яблоки*, *три разбойники*, *дванадцать тринаадцать*, — *темы риадсните рѣдѣтей*, и проч.; что онъ пишешъ *горній охотникъ* вмѣсто *горныи*, *стѣновытный*, *прорыцалище*, и множество тому подобнаго; также: *для гонтарей машину* (стр. 28) обои вмѣсто *оба*, *состарѣвшемусь*, *славившась*, *вмѣсто дочь*, *вмѣсто убийства* (*а вмѣсто* у него значитъ *вмѣстѣ*, какъ на пр. *вмѣсто сложенныхъ*); и что онъ, наконецъ, обогатилъ Россійской языкъ слѣдующими выраженіями: *указалъ своимъ подданнымъ* (стр. 9.) *сыматъ* (*поймать*) *отрока* — *Лапиѳы*, стр. 23, *изграбши его* (*обнаруживъ*)

живъ) — она охотилась нѣкогда по горѣ, спр. 31, вмѣсто: забавлялась охотою — скотоесилъ корабль, спр. 66 — порубивши брата своего на разныхъ части, спр. 102 — но когда дѣвицы отца срубили, и потому подобное?

Г. Переводчикъ въ прибавлениіи къ книгѣ считаетъ себя обязаннымъ молвить еще слово о правописаніи Греческихъ именъ, и между прочимъ сказываетъ намъ, что нѣшь никакой нужды отвергать самовольно, или поупрямости, вошедшаго уже въ употребленіе; однако жъ самъ пишетъ *Пазифа* вмѣсто *Пазифал*, *Гомирѣ* вмѣсто *Гомерѣ*, *Гиродотѣ*, *Гизіодѣ* вмѣсто *Геродотѣ*, *Гезіодѣ*, — *Аргонауты* вмѣсто *Аргонавты*, *Эликонѣ* вмѣсто *Геликонѣ*, *Керера* вмѣсто *Церера*, *Ассиjskij* вмѣсто *Азийской*, *Ворей* вмѣсто *Борей*, *Діонисіевщина* вмѣсто праздники вѣтъ *Бахусу*, *Іоны* вмѣсто *Іонійцы*, *Өратеский* вмѣсто *Өракийский*, и проч.

Мы не знаемъ также, отъ чего Г. Переводчикъ въ семъ прибавлении смѣшалъ *Віотію* (Беодію) съ *Віоинією*; послѣдняя, какъ известно, была провинція въ малой Азїи.

Наконецъ заключимъ чистосердечнымъ желаніемъ, чтобы погрѣшности, вхравшіяся въ книгу сю, были выправлены при второмъ изданіи.

В. П.

XIII.

ИЗЪЯСНЕНИЕ ФРОНТИСПИСА.

Письмо изъ Петербурга къ Издателю Журнала.

„ Вамъ дурно выгравировали за-
„ главной листъ: я посылаю вамъ и
„ съ доскою другой, моей работы,
„ которой можешь быть не лучше
„ первого. Да у меня голова болитъ,
„ и кой - какое недосуги случились.
„ Впрочемъ эскизъ извиняется, еспѣли
„ мысль годится; а мысль вотъ какая:
„ , ВЪ

„ Въ не очень свѣпломъ мѣрѣ
„ Геній Наукъ, удалясь въ кедровую
„ рощу, играетъ на лирѣ, и гар-
„ монію призываєтъ къ себѣ слу-
„ шателей. Зеркаломъ справедливости,
„ кошорымъ вооружена лира его, при-
„ влекаетъ онъ лучъ свѣща, и будучи
„ имъ освѣщенъ, тѣмъ же орудіемъ
„ справедливости отражаетъ его и вос-
„ паляетъ принесенную жертву. Да-
„ брой мальчикъ, принесший оную, за-
„ прыгалъ отъ радости, торжествуя
„ успѣхъ свой; другой — и видно не до-
„ брой, судя по личинѣ — съ при-
„ ношеніемъ своимъ бѣжитъ домой.
„ Надпись, Издателемъ Московскаго
„ Журнала исповѣдуемая, служитъ осно-
„ ваніемъ Генію (*). — — Все бы это
„ было сносно и на мѣди, если бы

I 3

, д

(*) Сія надпись взята изъ Попова Effay on
Man, Ep. 11. и значитъ: Удовольствіе,
ложно или справедливо понимаемое,
есть величайшее зло, или величайшее
благо наше.

„ я впервыхъ былъ Граверъ, вовтѣ-
рьхъ свободенъ; однако жъ я на-
къшнѣй — да чушь не крѣпо-
спной . . .

Издатель съ искреннею благодар-
ностію принимаетъ сей подарокъ отъ
неизвѣстной Особы, и весьма желалъ
бы узнать ее. — К.

XIV.

О ИНОСТРАННЫХЪ КНИГАХЪ.

I. *Les Ruines, ou Méditation sur les Révolutions des Empires.* Par Mr. Volney.
A Paris. Août 1791. — То есть:
*Развалины, или размыщленіе о рево-
люціяхъ Имперій, сочинение Г. Воль-
нел.*

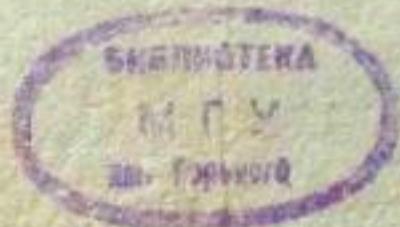
II. *De J. J. Rousseau, &c.* par M. Mercier. A Paris. Juin 1791. То есть: *Ø
Жанб*

Жанъ-Жакъ Руссо, и проч., сокращение Г. Мерсьера.

Сіи двѣ книги можно назвать важнейшими произведеніями французской Литтературы въ прошедшемъ году.

ОШИБКИ ВЪ ПЕЧАТИ.

Стран.	Стр.	Напечатано	Чит.
5	4	благи	блага
19	24	Kindsfuss	Rindsfuss
27	13	мѣриль	мѣряль
28	4	великиимъ	великимъ
43	12	восходиши	восходиши
43	17	Такимъ	Такимъ
53	5	вожжей;	вожжей,
53	6	лошадей.	лошадей;
61	23	сго	его



Имена Особъ, благоволив.
ѣ подпісатъся на Московск
иалъ, будуть напечатаны
ослѣдней книжкѣ сей части.

Подписка на сей Журналъ при
нимается здѣсь въ Москвѣ въ Уни-
верситетской книжной лавкѣ и
Тверской, а въ другихъ городахъ
въ Почтѣ-Ампахѣ. Весь годъ о-
го стоитъ въ Москвѣ пять ру-
блей пересылкою семь. Кому же
угодно будетъ изъ другихъ горо-
довъ послать деньги прямо въ ла-
вку, того просимъ Издатель сооб-
щить при томъ свой адресъ, и
такомъ случаѣ ручаемся за вѣрное
доставленіе Журнала.
